

16+

Елена ЛЕНЁВА

Покров Любви

Елена Ленёва

Покров Любви

«Автор»

2016

Ленёва Е. В.

Покров Любви / Е. В. Ленёва — «Автор», 2016

Детектив. Первый роман в серии «Расследования частного сыщика Максима Омского». Книга для тех, кто любит загадки, историю и... французский колорит. Из собора Нотр-Дам-де-Шартр похищают одну из важнейших раннехристианских святынь — покров Богородицы. У часовни находят тело викария собора отца Антуана. Французские полицейские приходят к выводу, что покров переправили в Россию. Частный детектив Мишель Дебре и его российские коллеги — детективы Максим Омский и Андрей Шустров — параллельно с полицией начинают расследование. Известные коллекционеры, коммерсанты, историки и искусствоведы, с которыми они встречаются, так или иначе помогают в поиске реликвии. Кто является заказчиком похищения? С какой целью был украден именно покров? Вопросы, на которые им предстоит ответить.

© Ленёва Е. В., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Елена Ленёва

Покров Любви

Глава первая

Отец Антуан, викарий шартрского собора, как всегда, по вечерам обходил свои владения: кафедральный собор, в котором вот уже восемнадцать лет он *служил Богу*. Да, он так и не стал епископом, но это ничуть его не смущало. Отец Антуан знал свои обязанности, как никто другой. За столько лет он не просто знал, он чувствовал каждый камешек на колоннах, каждый кусочек дерева на скульптурах, каждое стеклышко в витражах, знал наизусть всех персонажей и святых, что собраны в изгибах арок и на колоннах порталов. Никто так не умел рассказать об истории собора, как он. К нему приходили историки, студенты, паломники, и со всеми он делился своими знаниями и раскрывал секреты собора. Сорок лет назад собор вошел в список всемирного наследия ЮНЕСКО, внутри и снаружи идут реставрационные работы. Викарий жалел только о том, что может не увидеть, как засверкает его собор после реставрации. Еще лет пять нужно подождать... А он стар. Нет, еще не дряхлый старик, но уже несколько недель он испытывал тяжесть в груди. Надо бы сходить к врачу, однако отец Антуан был фаталистом: на все воля божья. К тому же он достаточно пожил на свете.

Сегодня он плохо себя чувствовал, поэтому вышел на обход гораздо позже обычного. Можно было совсем не выходить, в осмотре нет необходимости. Но привычка, которой он не мог изменить, желание снова и снова прикоснуться в тишине и покое к вечным камням собора заставили его встать с постели.

Викарий обходил свои владения. Он завернул за алтарь. И почувствовал: что-то не так. Он снова обошел все закоулки, потрогал «черную Мадонну», помолился потихоньку. Странное ощущение не пропадало. Кольнуло в сердце. «Да что ж такое? Наверное, надо все же сходить к доктору». Но это была не сердечная боль, а нехорошее предчувствие: что-то не так в соборе, нечто чужое и агрессивное ощущается в воздухе. Отец Антуан в третий раз решил все обойти. Вот и часовня «Святое Сердце Марии» – место *паломников* со всего света. Здесь хранится священная реликвия собора. Но... что это? Викарий обомлел. Свято хранимая и почитаемая христианская реликвия – Покров Богородицы – исчез. Рака, в которой хранилась святыня, была открыта. Металлические решетки, охраняющие вход в часовню, тоже были приотворены. Покров Девы Марии, который находился в соборе с восьмисот семьдесят шестого года, с того момента, как король Карл Лысый, внук Карла Великого, привез его из Константинополя и даровал церкви, в который, по преданию, облачалась Дева Мария, исчез!

Отец Антуан не мог произнести ни слова, не мог двинуться с места; тело стало деревянным, затем как-то странно обмякло, он осел на колени. С трудом нащупал он в кармане мобильный телефон, долго смотрел на кнопки и пытался нажать дрожащими пальцами номер, потом пытался произнести слова и вдруг ощутил боль в затылке, как будто что-то с силой опустил на его голову. Все поплыло, боль...

«Вот и настал твой час, Антуан».

Но почему? Что он сделал не так?

«Прощай, Собор, прощай, моя любовь и моя боль, мои тайные слезы восторга и благодати...»

Макс проснулся поздно. Это так редко бывает, что с утра нет никаких дел, можно никуда не спешить, спокойно попивать кофе с французской булочкой, наслаждаться утренним ничегонеделаньем. Он налил вторую чашку кофе, потянулся за булочкой и чертыхнулся: ну вот, сглазил! Тишину нарушил мобильник, и по номеру Макс определил, что звонит его «партнер по бизнесу» Андрюха.

– Да, слушаю. Или не срочно?

– Если б не срочно, я бы не звонил, – ответил Андрей.

– Макс улыбнулся, живо представив, как тот смешно сложил губы – получилось колечко, и лицо стало по-детски трогательным, а взгляд беззащитным. Это было обманчивое впечатление, и Андрей даже умудрялся пользоваться таким «выражением лица», когда нужно было кого-нибудь обаять.

– Ну, говори.

– Ты слышал что-нибудь о пропаже в Шартре покрыва Богородицы?

– Ты мне звонишь с утра, прерываешь мой драгоценный завтрак, чтобы спросить, не слышал ли я об исчезновении куска материи во Франции? И какое это имеет ко мне отношение?

– Ну, во-первых, не куска, а целых несколько метров шелка, священного шелка, заметь, а, во-вторых, это может иметь к тебе отношение!

– Не понял...

– Так ты слышал?

– Нет, не слышал. Я не специалист по христианским святыням и не интересуюсь детективными историями в этом жанре.

– Жаль. Короче, я сейчас приду. Извини, кофе будем пить вместе.

– Подожди... – но Андрюха уже отключился.

Макс, специалист по разгадыванию загадок, а проще, частный детектив Максим Максимыч Омский приготовился слушать Андрюху.

Он много раз бывал во Франции, но как-то не довелось съездить в Шартр, хотя это и недалеко от Парижа. Времени всегда в обрез: то дела, то обязательная культурная программа с обязательными гастрономическими изысками (ну и как не утешить себя бретонскими устрицами или эльзасским шукрутом?). Шартр как-то не входил в планы посещений.

Кстати, с Андреем он познакомился во Франции. В кафе. Андрей тогда стажировался в Сорбонне, изучал историю искусств. А учился он заочно на юридическом факультете. Встретившись случайно в кафе на Сан-Жермен-де-Пре, они разговорились и как-то очень быстро подружились. Любитель живописи и французского языка, Андрей решил удивить Макса и в тот день показал ему Париж, который не знают туристы. Случайная встреча в парижском кафе оказалась знаковой: они начали вместе работать.

Андрей познакомил Макса с Мишелем Дебре – криминалистом и экспертом в области искусства. И, по совместительству, частным сыщиком. В то время Макс еще работал опером, но подумывал о своем деле, о детективном агентстве. Встреча с Мишелем была той необходимой «загогулиной», которая и расставила все точки над *i*. Вернувшись в Москву, Макс быстро все организовал, уволился, оборудовал под «офис» маленькую спальню в бабулиной квартире и начал прием посетителей. Сначала дела были попроще, потом был период с перестрелками. Он понял, что не справляется, что ему необходим постоянный помощник, и предложил эту незавидную роль Андрею. С тех пор Андрей Шустров был у Макса «на зарплате».

– Рассказываю, – начал Андрей, уплетая французские булочки. Аппетит у него был отменный. Макс в который раз подумал, что ему очень подходит его фамилия: шустренько

так уплетал. – Несколько дней назад из часовни Девы Марии в Соборе Нотр-Дам в Шартре пропал покров Богородицы. Сначала, поутру, у часовни нашли тело отца Антуана, викария собора. Подумали было, что он умер от инфаркта – викарий в последнее время жаловался на боль в сердце, но потом, когда переносили тело, обнаружили, что поврежден череп. Вызвали полицию. Установили, что смерть наступила в результате удара по голове тупым предметом. В суматохе не обратили внимание на покров Богородицы, потому что покров висел в раке, как ему и положено. Но вечером епископ заметил, что ткань как-то странно повешена. Он зашел в часовню и заподозрил неладное. Снова вызвали полицию и экспертов и быстро установили, что в раке находилась подделка. Хотя очень незаурядная подделка: два метра шелка такого же оттенка. И ткань специально состарили. Епископ попал в больницу, священники в панике. Скоро наступает праздничная неделя и начнется паломничество: верующие совершают свои поклонения Богородице.

– Ну и причем тут мы? История интересная, но где мы и где Шартр?

– Подожди. Экий ты нетерпеливый... Началось следствие. Полиция ищет убийцу викария и покров. Тут же подключили все таможенные службы на предмет вывоза святыни за границу, допросили всех возможных скупщиков такого рода товаров и... ничего. Продать это покрывало невозможно. Как мне кажется, такие вещи похищают не с целью продажи, а с целью коллекционирования.

– Не уверен...

– Вчера мне позвонил Мишель и попросил кое-что узнать. Обещал потом объяснить. Вернее, он назвал мне несколько фамилий и хотел уточнить, что это за личности. Каким-то образом у тамошних фликов¹ появилась информация, что кража в Шартре связана с нашими коллекционерами. Мол, покрывало уже может быть в России. Я, конечно, порылся по сусекам, наскреб кое-что интересное и так увлекся, что не заметил, как перешел границу, за которой скрывается не просто информация, а опасная информация. И вот сегодня в семь утра перезвонил Мишель и сообщил, что они все больше и больше склонны думать, что следы ведут к нам. Их полиция уже связались с нашими, а Мишель меня попросил о личной услуге: он хотел бы, чтобы ты занялся этим делом параллельно с официальными органами. Добавив при этом, что твоя бесценная голова могла бы послужить поиску святыни и, заодно, укрепить дружбу между французами и русскими. К тому же не безвозмездно, гонорар обещают очень и очень приличный, что немаловажно. И еще Мишель просил добавить, что в качестве дополнительного приза тебя ждет Шато Марго девяностого года.

– Шато – это, конечно, замечательно, но каким образом я могу помочь? Что ты от меня хочешь?

– Хочу, чтобы ты помог Мишелю в поиске реликвии.

Макс посмотрел на Андрея как на безумного:

– Андрюня, ты в своем уме? Я, конечно, кое-что умею, но не настолько, чтоб искать пропавшую из Франции реликвию. Такие кражи не раскрываются. Реликвии похищают не для того, чтоб их нашли.

– Чем ты рискуешь? Давай попробуем. Как бы там ни было, мы можем сделать нашу часть работы, о которой просит Мишель, а потом решим, есть ли смысл идти дальше.

– Ты хочешь сказать, что покров украли по заказу кого-то из наших коллекционеров? И он уже здесь, в России?

– Во всяком случае, сейчас это одна из наиболее вероятных версий у французских полицейских.

– Так, а кто *у нас* работает по этому делу?

– Главное управление.

¹ Флик – полицейский (жарг.). Соответствует русскому «мент».

Макс молчал.

– Слушай, Макс, давай попробуем. У меня руки чешутся. К тому же я нарыл кое-что интересное.

– Ладно, бог с тобой. Попробуем. В конце концов, я сейчас свободен, почему не помочь нашему другу Мишелю. Рассказывай все, что ты нарыл.

Всякому, кто приближается к Шартру – с севера, юга, востока и запада, – за несколько километров открывается вид на две колокольни, достающие до неба. Собор возносится на горизонте как призыв к тем, кто верит в бога и к тем, кто не верит. Никто не остается равнодушным, подойдя к собору, пройдясь по его каменным плитам, рассматривая порталы и витражи, многие из которых относятся к двенадцатому-тринадцатому векам.

Он верил в Бога. Или *Он* думал, что верит в Бога. Но за эти дни он понял, что его вера заканчивается там, где появляется шелест банкнот. *Он* понимал, что собирается поступить не по-божески, но ему так нужны были деньги.

Они каким-то образом вышли на него, сначала шантажируя фотографиями, где он запечатлен в недвусмысленных позах с мальчиками. Но когда он отказался сотрудничать с ними, невзирая на скандал, который мог бы случиться, если эти фото увидят его близкие, в ход пошла «тяжелая артиллерия»: деньги. Ему пообещали много, слишком много, и он не смог отказаться. Сто тысяч евро до того, и еще четыреста, когда покров будет в их руках. Он мог бы купить домик в деревне, развести лошадей. О, лошади – это *Его* страсть. Сколько денег он оставляет на ипподроме, играет в tiercé² каждое воскресенье, постоянно следит за скачками.

Получив первую часть на счете в швейцарском банке, он уже подобрал домик и был счастлив. Осталось сделать самую малость: подменить покров. Никто не заметит. А если и заметят, так не скоро. Покров хранится в крипте, его выносят только к праздникам и выставляют, тщательно проверив железные решетки. Рака, красавица рака, которую сотворил золотых дел мастер Пусьельг к празднованию тысячелетия собора специально для покрова Богородицы, тоже недоступна. Хм, недоступна. Только не для него!

Он знал Собор, как свои пять пальцев. Недаром столько месяцев он помогал викарию Антуану Дюбуа, изучал историю и архитектуру собора, участвовал в мессах. Он был искренним в своем служении, он любил этого старика, но... как *они* вышли на него?! Почему именно *Он*? Ведь *Он* ясно дал понять, что скорее уйдет из клира, если обнародуют фотографии, но не будет идти на преступление...

А потом они предложили деньги. И *Он* не смог, не смог устоять. *Он* уговорил себя, что, в конце концов, никогда не верил в силу этого куска материи, этот дешевый трюк, эти придуманные истории исцеления. Люди – странные существа, им обязательно нужно во что-то верить, чему-то поклоняться. Паломники, которые идут и идут, на коленях проходят весь лабиринт: кладку из двухсот семидесяти двух разноцветных камней. Этот путь в церковных записях называется «Путь в Иерусалим» и символизирует путь человеческих душ к небесному Иерусалиму, с которым, как считают, шартрский собор имеет незримую связь. Неужели они всерьез верят в чудеса?

По правде сказать, легенды гласят, что покров много раз спасал собор от разрушения, а его служителей – от смерти. Весной девятьсот одиннадцатого года нормандские войска под предводительством Роллона высадились на берег реки и осадили город. И тогда епископ Гуссом выставил на крепостной стене раку со Святым Покровом. Норманны растерялись. А на

² 1 Игра на скачках. Нужно «поставить» на три (tiercé – от корня «треть») лошади, которые должны прийти первыми.

помощь епископу пришли герцоги Франции и Бургундии. Викинги ушли и больше не вернулись.

Собор несколько раз горел, но рака с покровом чудесным образом оставалась нетронутой огнем. В конце двенадцатого века горел город и собор. Казалось, все сгорело дотла. Но когда из дымящихся развалин три дня спустя вышли спасавшиеся в крипте клирики и с пением вынесли раку со Святым Покровом, весь город возликовал и, несмотря на постигшее горе, люди взялись за новое дело – приступили к восстановлению собора. А ведь целыми оставались только крипты, две башни и фасад.

Все это *Он* знал и сам с энтузиазмом рассказывал многочисленным туристам, студентам и ученикам. Но *верил* ли он? С тех пор, как мечта о приобретении домика и конюшни обрела реальность, он с удивлением обнаружил, что всегда сомневался в правдивости всех этих историй.

Его торопили. Начали угрожать. Напомнили, что первую часть денег давно перевели, и теперь все зависит только от него. И он решился. Завтра! Завтра утром рака с покровом будет в часовне, а вечером он совершит подмену. Поддельный покров был приготовлен, план разработан, все выверено. Он знает по минутам, когда отец Антуан обходит свои владения и идет спать. У него масса времени. До тех пор, пока покров не перенесут снова в подземелье, подмену не заметят. А это несколько дней. У его заказчиков будет много времени, чтоб увезти покров в любую точку света. Завтра.

И *Он* заснул, улыбаясь своим мыслям.

Андрей Шустров хорошо знал свое дело. Он умел добывать информацию, и, главное, ему удавалось отсеивать лишнее. Он редко ошибался. В общем, не обидел его бог аналитическими способностями. Макс иногда с грустью думал, что однажды Андрей уйдет от него, чтобы «заняться чем-то серьезным», по выражению Анны Станиславовны, мамы Андрея, и тогда Макс придется заниматься анализом самому. Он любил добывать оперативную информацию, но все же, надо признаться, был скорее практик. Он любил действие, каким-то чутьем улавливал, что сейчас нужно сделать это, а не то. Омский чувствовал людей, почти безошибочно определял, когда человек говорит неправду, а когда ему можно верить. И он умел быть благодарным. Друзья по уголовному розыску часто обращались к Макс, да и ему не отказывали в просьбах. В общем, вдвоем с Андреем они дополняли друг друга, и их тандем все больше завоевывал популярность у знающих людей.

– Значится так, – начал Андрей на манер Высоцкого из знаменитого фильма. – У меня три версии. Похищение покрова для собственной коллекции, тайной, конечно, и похищение с целью перепродажи. Но и в этом случае покров надежно спрячут от людских глаз. А наш коллекционер, как мазохист, будет любоваться им в одиночестве и молиться во искупление своих грехов. И время от времени показывать покров другим таким же сумасшедшим. – Андрей язвил. – И третья версия: украл какой-нибудь религиозный фанатик. Самая логичная, кстати. Но тогда, по моему мнению, покров остался во Франции или другой европейской стране, скорее, католической. В Италии, например.

– В данном вопросе я тебе доверяю.

– Посему хочу предоставить тебе информацию по нашим коллекционерам. У нас *есть* собиратели, кому такая реликвия могла бы быть интересной. Первый...

– У тебя другие версии есть? – Макс прервал Андрея.

– Ну...

– Тогда я хочу добавить. Представь, что покров может быть похищен с целью пополнения семейных реликвий (сейчас модно выискивать свои генеалогические корни, и *некто* может

докопаться и до Карла Великого, а потом объявить покров своим. Хотя бы для объяснения себе самому, любимому). Есть еще версия, что покров украли с целью раскрытия какой-либо тайны. Помнишь, как в прошлом году мы искали древнюю икону, похищенную из Свято-Успенского монастыря, и священник, который ее «позаимствовал», объяснил нам, почему он это сделал. Он хотел, понимаешь ли, найти на ней некие знаки, чтобы прочесть тайное послание Христа. Мало ли, может, есть какие-то знаки и на покрове? Вспомни историю с Туринской Плащаницей... Мир до сих пор в раздумьях, настоящая она или нет и какие символы запечатлены на ней. А Джоконда, которую уже не один раз пытались «расшифровать» не только романисты-детективщики, но и солидные научные работники, выискивая в ней некий тайный библейский смысл.

Я, между прочим, недавно прочел занимательный французский детектив Анри Левенбрюка о Йорденском камне – это нечто вроде артефакта, позволяющего расшифровать послание Иисуса, к которому причастны и тамплиеры, и франкмасоны и еще невесть сколько Орденов. А еще есть церковь Альби, которая тоже была хранительницей святынь, и с альбигойцами связаны многие исторические секреты. Так что сбрасывать со счета эту версию не стоит.

– И кто-то мне пытался доказать, что не специалист по христианским святыням?! Да я удивлен, мой друг, твоими познаниями. И по альбигойцам у меня есть очень интересный материал. Помнишь советский фильм «Ларец Марии Медичи» с убийствами и погоней, очень крепкий детектив, кстати. Так вот, это ларец якобы принадлежал еще альбигойцам. Вот тебе еще одна тайна! А те, в свою очередь, хранили священные реликвии христианства. Вообще, церковь Альби...

– Стоп. – Макс деликатно прервал увлекшегося друга. – Не грузи. Скажи, ты согласен, что такие варианты возможны?

– Согласен.

– И давай предположим, что есть еще некие версии, о которых мы пока не знаем. Возможно, мы что-то обнаружим в ходе расследования. Итак, мы имеем пять вполне сформировавшихся версий и одну или две (почему нет?), которые мы пока не видим. Но это не значит, что они не существуют. А теперь продолжай.

– Слушаюсь, – Андрей шутливо поклонился. – Если мы возьмем за основу версию, что покров похищен для собственной коллекции, то, по моим данным, у нас в стране этой реликвией могли бы заинтересоваться три коллекционера. Если говорить о перепродаже, то возникает еще пару имен, которые необходимо проверить. Во всех случаях можно нарваться на неприятности, так как речь идет об очень больших деньгах; и если нам удастся выйти на заказчика... В общем, я бы подстраховался, Макс. Сейчас не девяностые годы, но там, где большие деньги, могут быть и большие сюрпризы. Один из коллекционеров, как принято говорить, особа, приближенная к Президенту.

– Продолжай. Это интересно.

– Итак, первый в моем списке Николай Осипович Лисовский. СобираТЕЛЬСТВОМ занимался еще его дед. Была некрасивая история во время войны, когда тот скупал драгоценности в осажденном Ленинграде, расплачиваясь хлебом и мукой, и про которую теперешнее поколение старается не вспоминать. Но, в принципе, считается, что его коллекция чистая. Основное в ней – редкие предметы, принадлежащие царской семье и королевским европейским домам, книги, манускрипты. Очень много предметов из Франции.

– Подожди, есть такой исследователь лингвист Виктор Лисовский. Он имеет к Николаю какое-нибудь отношение?

– Имеет. Это его дядя. Но, насколько я знаю, они не общаются. Виктор Аркадьевич воевал, награжден медалями, дошел до Берлина. Он уже совсем старенький, но память у старика великолепная; живет очень скромно в Новосибирске, консультирует. А вот отец нашего коллекционера войны избежал, в советское время был под следствием за скупку краденого. Дока-

затя тогда ничего не смогли, и его благополучно отпустили. К тому же у Осипа было много знакомых из Политбюро, он доставал картины и бриллианты для заинтересованных лиц.

– Понятно.

– Сын продолжил дело отца и деда. Осип Аркадьевич умер два года назад. На похоронах Николай встретился с дядей, с которым не виделись полвека. Так вот, Николай Осипович очень любит всякие реликвии, просто помешан на тайнах (вот и твоя версия о тайне сгодится!). По информации, он недавно приобрел некий трактат Дюрера за несколько миллионов...

– Рублей?

– «У. Е.»

– Понятно.

– Об «у. е.» я знаю от Мишеля. Трактат был куплен официально, только налогов и таможенных пошлин наш коллекционер заплатил больше миллиона. Этот трактат принадлежал одной знаменитой французской семье, а тем был передан в дар, по преданию, самим королем Пруссии Фридрихом Первым. И, самое главное, вроде бы в этом трактате говорится о покрове Богородицы. В каком контексте, я не знаю, но знаю, кого можно спросить. Мой однокашник Саша Гладышев занимается немецкими художниками Возрождения, у него диссертация по Грюневальду. Думаю, что он может дать нам необходимую информацию.

Следующего ты знаешь, вернее, ты о нем слышал: Михаил Петрович Истомин. И мадам Истомина – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник, специалист по средневековому искусству. Это ее профессия. А еще она – большой специалист по бриллиантам. Это ее хобби. Покупает и коллекционирует ее муж. Но это она визирует все его покупки. Я бы не брал в расчет эту семейную пару, поскольку интересуют их, в основном, живопись и гравюры, но... – Андрей помолчал, – была одна история лет пятнадцать назад (могу поинтересоваться точно, если интересно), в которой мадам фигурирует в качестве заказчицы убийства, ни много ни мало. Все свидетели как-то потихоньку умерли или свалили за бугор, и дело рассыпалось.

– А из-за чего убийство-то?

– Да одна старушка не хотела продавать вещичку, принадлежащую, по легенде, Генриху Четвертому Наваррскому или его жене Марии Медичи, и старушечку убили. Вещь эта, а с ней и пара гравюр исчезли. Доказать ничего не удалось. Да и время, сам знаешь, какое было: не до этого. А Генрих Четвертый короновался, где ты думаешь? Правильно, в Шартрском соборе, в тысяча пятьсот девяносто четвертом году. Связь слабая, я понимаю, но все же в качестве зацепки нужно проверить. И еще. Слушай внимательно. Недавно, на приеме у австрийского посла мадам Истомину запечатлели на фото. И на ней была та самая вещичка – брошь в виде розы.

– И что, никто из органов не поинтересовался, откуда у госпожи Истоминой эта брошь?

– Поинтересовались. Мадам, конечно, придумала целую историю и без всяких проблем отдала брошь на экспертизу. Оказалось, искусно выполненная подделка. Но у меня (и не только у меня) есть подозрение, что у мадам не одна брошь. Одна для выхода в свет, а другая для предоставления милиции, то бишь полиции.

– Думаю, ты прав, нужно проверить нашу семейную пару. Хотя... зачем им покров? Какая связь? Пока не понимаю. Где логика?

– Твоя логика и их логика – две большие логические разницы.

– Закрутил. «Большая логическая разница» – это надо запомнить. Так, и кто еще?

– Еще советник президента Хаджибеков Тимур Ильич. Он же – бизнесмен и собиратель раритетов. Это самый маловероятный вариант, но... Здесь возникает одно «но»... У него есть страсть.

– Ну, не тяни.

– Говорят, что он интересуется мусульманскими святынями; якобы у него есть бесценные изделия, принадлежащие Тамерлану. Его вообще называли Тимуром в честь Тамерлана и он,

как считают, является потомком этого древнего рода. Так вот, начав собирать древние мусульманские предметы, он так увлекся, что теперь ищет по всему миру любые религиозные реликвии. У него есть и буддистские и христианские святыни. У него целый штат профессиональных искателей. Надо отдать ему должное – он очень много тратит на благотворительность, особенно на различные культовые организации: церкви, мечети, буддистские храмы. Он, кстати, тратит и на детские дома и никогда не афиширует эту свою деятельность. Но как восточный человек, у которого есть страсть, он отдается ей полностью. Я могу представить, что кто-то пообещал ему покров, и Тимур Ильич заинтересовался. В таком случае должен быть человек, который ему это предложил. И искать надо его.

– Я все же считаю, это немного притянута за уши. Давай, если получится, начнем с него, чтобы или исключить его и не тратить время, или заняться серьезно этой версией. Вопрос: как на него выйти? На него или на его окружение, которое бы нам помогло?

– Пока не знаю.

– Ладно, подумаем. А кто у тебя фигурирует как продавец? Ты мне обещал сообщить пару фамилий.

– Наш незабвенный Марк Иосифович Гершвин.

– Да что ты, старик все еще не успокоился? Я давно о нем не слышал.

– Он никогда не успокоится. Это в генах, – улыбнулся Андрей.

– А почему ты думаешь, что на него нужно обратить внимание? Откуда инфа?

– Мишель мне назвал его имя. А знаешь ли ты, что Марк Иосифович имеет французский паспорт? Но вот не нравится ему жить во Франции, не развернуться. Поэтому основное время он проводит в России. К тому же если он живет здесь больше ста восьмидесяти дней, то и налоги он платит здесь. А декларацию заполняет и здесь, и там. Кстати, многие из так называемой французской элиты предпочитают жить в Швейцарии, чтобы не платить налоги. А нашему российскому гражданину Марку Иосифовичу сам бог велел. Налоги для нашего антиквара – это существенно, – засмеялся Андрей. – Экономить он умеет и очень любит.

– Да, знаменитая личность. Я с ним пересекался пару раз, когда работал опером. Удивительный человек. Он в курсе всех похищений, всех продаж и подмен. Я не знаю, как ему это удается, но это факт. У него целая картотека покупателей и продавцов, он каким-то особым чутьем улавливает, кому какой товар нужен. И имеет на этом свои немаленькие комиссионные. Я думаю, если покров будет продаваться, то без Гершвина не обойтись. И вот тут нам надо подсуетиться. Хотя, как мне кажется, его уже давно потрясли наши доблестные органы. Кто еще?

– Еще пару человек я отмел сразу. Есть, очевидно, люди, о которых мы не знаем, может быть, к этому причастен какой-нибудь тайный коллекционер. Если так, то нам будет сложно, если вообще возможно. Но тогда нам могут помочь эти трое.

– Как помочь? Ты думаешь, они поделятся информацией?

– Конечно, так просто помогать не будут, но, может, в процессе беседы, глядишь, чего-нибудь и выяснится. Или кого подскажут, подбросят версию, мало ли что...

– У тебя все?

– Пока все. И... я есть хочу. Накормят меня в этом доме обедом?

– Накормят, Андрюха. Ты молодец. Для начала неплохо.

– Для нача-ала? Да я землю рыл. А сколько деталей собрал. Я ж тебе только в общих чертах обрисовал, а сколько я...

– Да понял я, понял. И очень тобой доволен. Пойдем, поедем.

Макс разогрел полуфабрикаты: бабуля вот уже две недели на даче и из съедобного в доме – увы, только полуфабрикаты в морозильнике. Они пообедали и решили, что пора действовать.

– В общем, план таков.

Он вернулся за полночь. С покровом Богородицы. И остался собой доволен. Правда, пришлось стукнуть старика и, видит бог, *Он* этого не хотел. Но тот сам виноват: зачем нужно было так поздно гулять по собору? Лежал бы себе в теплой постели, был бы жив и здоров. *Он* не знал наверняка, жив ли викарий. Да и, честно говоря, ему было все равно. Почти все равно. Нет, *Он* этого не хотел, тут он не лукавил, но выбора у него не было. Нельзя было становиться на его пути. *Он* с таким трудом принял решение, и никто, никто не должен был ему помешать.

Когда старик упал, *Он* спокойно подменил ткань, закрыл решетки, вышел через потайной вход, известный только избранным. Пять минут и он дома. Дом его рядом, в двух шагах от собора.

Он понимал, что у него мало времени. Какая досада, что викарий пришел именно в момент, когда он только-только снял покров. Почему так случилось? И зачем отец Антуан начал звонить в полицию? Если бы не это, у *Него*, как минимум, оставалась неделя, вряд ли кто-то заметил бы подмену раньше. А сейчас нужно торопиться. У него есть один день, чтобы срочно избавиться от реликвии. Завтра рано утром надо связаться со своими заказчиками и отдать им покрывало. Внезапно *Он* разволновался: а если они не придут завтра? А если полиция выйдет на его след раньше? Нужно срочно уехать. Об этой квартире знал не только викарий. Знали некоторые служители и его родные.

Срочно надо отдать покров, получить оставшиеся деньги и забыть. Все забыть. Завтра с утра он придет в собор как ни в чем не бывало и будет смотреть и слушать, как идет расследование. Может, он зря паникует, пропажу никто не заметит. А если викарий жив? Эх, почему он не проверил, надо было бить наверняка...

Он ощутил, что заболевает. Слишком много мыслей, появился страх. Что случилось? Он ведь все продумал. Нет, нельзя паниковать. Совсем скоро у него будет все, о чем он мечтал. Скоро... Скоро...

Они объявились рано утром. Их было двое. Один был совершенно обычный, ничем не привлекательный мужчина, с залысинами и хмурым взглядом. Второй... Второй был невероятно красив, невозможно отвести взгляд: шатен, с сине-зелеными глазами, хорошей улыбкой, невысокий, но сложен, как Давид. Говорили с акцентом, но лексика правильная. Кто они? Второй похож на славянина, а вот первый – явно есть что-то восточное в его внешности. Говорить им или нет, что он убил (или не убил?) викария? Лучше пока не говорить. К тому же ему ведь не выдвигали никаких условий, их не интересовало, как он будет добывать покров, им нужен был только этот кусок шелка, будь он проклят...

Они предъявили распечатку с банковского счета на его имя. Все правильно: полмиллиона евро. Сказали, что он может позвонить и уточнить, все ли в порядке. Он позвонил, но было слишком рано. Он перезвонил через тридцать минут, но никто не ответил: рано. Что же делать? *Они* ждали, не торопили, даже попросили приготовить кофе. *Он* приготовил кофе и выпил с ними, сказал, что можно сходить за круассанами – булочная уже открыта, но они просили не беспокоиться и очень хотели увидеть покров. *Он* не дурак, нужно дождаться девяти утра, когда будет открыт банк, сначала позвонить, удостовериться. Но парни были спокойны, сказали, что подождут, если он не верит, что все по-честному, они могут ждать столько, сколько нужно: *pas de problème*³. *Ему* хотелось скорее остаться одному. Звонок в банк, снова автоответчик: перезвоните позже. *Он* устал, хотел отдохнуть. Хотел спать, остаться один. *Bien*⁴. Решился.

³ 1 Нет проблем (фр.).

⁴ 2 Хорошо (фр.).

Он спустился в подвал, достал сверток: забирайте. Они долго разглядывали покров, остались довольны, бережно сложили ткань, еще раз поблагодарили за работу, сказали, что он очень-очень славный малый и замечательно поработал. Ушли.

Боже мой, неужели ушли?! Теперь спать... Спать. Последнее, о чем он подумал, прежде чем уснуть, что за всеми этими делами он забыл вчера поздравить сестру с днем рождения... В первый раз за столько лет он забыл позвонить Николь. Она обидится...

Когда *Красавчик* и *Хмурый* вышли на улицу, они услышали шум полицейской машины и непривычную в это время суету вокруг собора.

– Неужели они обнаружили пропажу?

– Так быстро? Это невозможно.

– Там что-то случилось. Надо сматываться.

– Стоп, ты иди к машине, а я задержусь. Зайду в булочную и расспрошу.

Красавчик зашел в булочную, попросил deux petits pains au chocolat⁵, поинтересовался, что случилось, почему столько полицейских.

– О, monsieur, они пока молчат, но мы узнали от служителей собора, что случилось несчастье: вчера вечером убили викария. Представляете, нашего доброго отца Антуана убили!

– Боже мой, какая жалость. И как же это произошло?

– Неизвестно. Кто-то был в соборе ночью. Должно быть, преступник пробрался внутрь, чтобы что-то украсть. Или это было спланированное нападение на отца Антуана. Говорят, что совсем недавно он имел жесткий разговор с иммигрантами, которые пытались спровоцировать драку прямо на площади перед собором. Возможно, кто-то из них захотел отомстить. Знаете, эти люди ничего не хотят делать, не хотят работать, но ведь им нужны деньги, чтобы жить, вот они и занимаются воровством и торговлей наркотиками. Жаль викария, хороший был человек.

Они еще поговорили несколько минут о том, что все труднее и труднее зарабатывать себе на жизнь, посетовали на иммигрантов, которые «живут на пособия и не хотят работать», и разошлись.

Красавчик сел в машину и сказал: «Наш славный малый убил викария. Надо было его расспросить поподробнее. Но сейчас возвращаться к нему слишком рискованно. Выставляя навигатор и едем в Брюссель. Нужно как можно быстрее уехать из Франции. Давай сразу на автостраду, езжай осторожно, старайся не превышать скорость. Нам сейчас не нужны никаких проблем с жандармами».

Через три с половиной часа они пересекли французско-бельгийскую границу.

– Омский Максим Максимыч, – представился Макс по телефону. Вот уже несколько минут он пытался уговорить эту совершенно неуговариваемую особу на встречу с Лисовским. – Мне рекомендовали господина Лисовского как специалиста по загадкам средневековья и христианским святыням.

Макс пытался прорваться сквозь невозмутимость секретарши Лисовского и уже потерял надежду на встречу с коллекционером. Неужели не получится? Тогда нужно будет задействовать свои милицейские связи. А милиция уже, наверное, потрясла его. Или еще нет? Во всяком случае, он хотел бы для начала познакомиться лично с Лисовским, сделать выводы о нем как о

^{5 3} Две булочки с шоколадом (фр.).

человеке, а уж потом, если нужно, договориться о негласных оперативных мероприятиях. Но чтобы в управлении на это решились, нужны доказательства. В общем, как ни крути, встреча с Лисовским ему просто необходима.

– Передайте, пожалуйста, Николаю Осиповичу, что *это очень важно*.

– Для кого важно? Для него или для вас? – не деликатничая особо, спросила секретарша.

– Скорее, для меня, но, надеюсь, заинтересует и вашего шефа.

«Вот старая мымра», – подумал Макс и добавил:

– Послушайте, вы можете хотя бы спросить у Николая Осиповича, возможно, ему интересно как специалисту узнать новую информацию о покрове Девы Марии из шартрского собора?

– Хорошо, подождите, я узнаю...

Макс успел выкурить сигарету, прежде чем мымра снова взяла трубку.

– Кто вас рекомендовал? – спросила она.

– Саша Гладышев, – не моргнув глазом, соврал Макс. Фамилия одноклассника Андрея всплыла как нельзя кстати. Надо будет срочно предупредить его, чтобы позвонил своему другу. – У него диссертация по Грюневальду...

– Я знаю, кто такой Гладышев. Подождите...

Вот как, она знает Гладышева. Надо быть осторожнее. Она ответила сразу.

– Хорошо. Николай Осипович встретится с вами завтра, в здании Архива на Бауманской в десять часов утра, внизу в центральном холле. У него намечена встреча, поэтому у вас будет тридцать минут.

– Но мне хотелось бы...

– У вас будет тридцать минут, – прервала она. – И, если ваша история заинтересует моего шефа, он вам назначит другую встречу, и вы сможете более обстоятельно поговорить. Постарайтесь не опаздывать, он этого не любит.

Гудки... Фу, получилось. Макс позвонил Андрею, предупредил насчет Гладышева и поинтересовался, что у того нового.

– А нового у меня, мой друг, немало. Например, я узнал, что господа Истомины через три дня летят в Париж. Еще звонил Мишель...

– Не тяни, любишь ты паузы.

– Нашли того, кто украл покров.

– Да ты что? И что он рассказал? – Макс был нетерпелив, – может, мы тут зря работаем?

– Его нашли и выстроили цепочку, как все произошло. Только вот сказать он ничего не может. Помер.

– Сам помер?

– А ты как думаешь?

– Думаю, что помогли.

– Неправильно. Самоубийство. Он оставил предсмертную записку.

– И что там?

– К сожалению, очень мало.

– А подробнее?

– Мишель позвонит вечером и все расскажет.

– Окей. Занимайся Истоминами, а я подготовлюсь ко встрече с Лисовским. И хочу навещать Гершвина.

Только он положил трубку, как телефон вновь зазвонил: да, Омский слушает.

Звонил Алексей Витальевич Красавин, старший оперуполномоченный МУРа. Они не были друзьями, но всегда очень тепло относились друг к другу. Когда Макс работал опером в одном из районных отделов, ему приходилось часто встречаться с Красавиным. Алексей был очень хорошим аналитиком и, главное, он был *нормальным* человеком, без завихрений, мании

величия и комплексов. Очевидно, это привлекало к нему людей. Всякая нечисть отскакивала от него, и как-то само собой получалось, что с ним работали нормальные ребята. Истинные профессионалы своего дела.

– Мне тут сорока на хвосте принесла, что тебя наняли на поиск покрова Богородицы, а, Омский?

– Ну, наняли – это громко сказано... Попросили помочь. А вы, как вижу, уже работаете вовсю. Может, мне и делать ничего не придется.

– И кто ж тебя попросил?

– Один знакомый частный детектив из Парижа.

– Из Пари-и-жа, – протянул Красавин, – тебя и во Франции знают... Завидуем твоей популярности.

– Да ладно, Леш, нет никакой популярности.

– И как, что-нибудь нашел? Может, поделишься информацией?

– Я бы поделился, Леша, ты меня знаешь, но пока ничего. А я как раз тебя хотел попросить поделиться. Вы же, наверное, Гершвина уже потрясли.

– Были у старика. Говорит, что ничего не знает. Клялся-божился, что даже не представляет себе, кто мог на такое отважиться. Это ж святыня, а не бриллианты Людовика. Говорит, что если нас интересует какая-то саламандра Франсуа Первого, которая тому была подарена еще предками капетингов...

– Капетингов, Алексей Витальевич. А король – Франциск Первый.

– Ну да... Слушай, и откуда ты все знаешь? – хмыкнул Красавин, но совсем беззлобно. – Так вот, о саламандре он кое-что слышал. Но, знаешь, мне только всяких ящериц сейчас не хватало. И так полно работы. Но я тебя знаю, все равно ведь пойдешь к Гершвину.

– Пойду. Может, что-то вы пропустили. Одна голова – хорошо, а две....

– Да наших целых три головы ходило. Лучшие ребята. Так уже его крутили! Не знает, говорит, креститься-божиться начал.

– Креститься? – Макс засмеялся, – и вы поверили? Он же иудей, он, когда крестится, явно что-то недоговаривает, я его знаю.

Алексей тоже рассмеялся:

– Ну, старый черт, провел ребят. Ладно, сходи, если что узнаешь, не побрезгуй, поделись.

– Обещаю. Да... – замялся Макс, – мне бы выйти на Хаджибекова. Может, ты мне посодействуешь?

На той стороне провода помолчали. Потом Красавин сказал:

– Не думаю, что он замешан. Не того полета человек. Я справки наводил, говорят, много хорошего делает.

– Но раз ты справки наводил, значит, у тебя тоже подозрение возникло.

– Скорее, сомнение. Но я почти уверен, что он ни при чем.

– Вот именно, *почти*...

– Слушай, Макс, я тебе в этом помогать не буду. Не потому, что не хочу, а потому, что, по моим представлениям, это пустая трата времени. Но могу подсказать, если все же ты не успокоишься, как на него можно выйти нам, простым смертным. У него начальник охраны – бывший афганец, полковник запаса Сирий. Он ему предан; таких начальников охраны поискать... Вряд ли он захочет с тобой говорить, но можно через его афганских друзей попробовать. Это я так, подсказал. Ты меня понял? Если тебе это поможет, пользуйся, я добрый. И за тобой будет должок.

– Я понял, Леша. Спасибо. До свидания.

Макс решил тут же идти к Гершвину. Что он там насчет саламандры говорил? Все, что связано с Францией, нужно проверить. Кто его знает, может, какой-нибудь сумасшедший соби-

рает коллекцию французских предметов, имеющих историческую ценность. Но покров Богородицы – это не французская история.

Да, пока никаких зацепок. Если уж Красавин позвонил, значит, они тоже в затруднении. И Макс отправился к Гершвину. Сел в машину и вспомнил, что забыл пообедать.

Вот уже несколько часов *Он* тупо смотрел на банковскую распечатку, которую ему передали эти двое. После обеда, когда он выспался, он дозвонился в банк. Там сказали, что у него на счету ничего нет. Но как такое может быть? Еще две недели назад у него было сто тысяч, он знает. В банке тогда все подтвердили. Потом на счет перечислили еще четыреста. Вот, перед его глазами бумага из банка со всеми печатями и подписями.

– Да, деньги были, но вы же сами, месье, написали распоряжение о переводе денег на другой счет, – говорили в банке.

– Я не давал никаких распоряжений, – ответил *Он* и почувствовал, как холодный пот стекает по спине.

– У нас есть все документы, месье, мы не смогли бы без вашего разрешения перевести деньги. К тому же, когда открывали счет, это было одним из условий, вы были ознакомлены с контрактом.

Он положил трубку. У него не будет домика в деревне и не будет конюшни. Он впал в ступор: сидел молча, не двигаясь, смотрел в одну точку. Вчера произошло что-то очень нехорошее. Ужасное. Что? Что *Он* сделал не так? Напряг память, пытался вспомнить, что случилось вчера ночью, и не мог.

Почему-то в памяти всплывали витражи собора. Какие насыщенные и чистые краски! Таких витражей и таких красок нет ни в одном средневековом соборе. Не только во Франции, но и во всем мире! Как он любил рассматривать эти витражи! Особое настроение придает им глубокий синий тон, его так и называют «шартрская синь». Жаль, что секрет этих красок утрачен. Вот в верхнем ряду – сцены Ветхого и Нового заветов, эпизоды жизни пророков и святых, а в нижнем – витражи о жизни королей, рыцарей, простых ремесленников. *Он* вспомнил, как совсем недавно аккуратно протирал каждое стеклышко в десятиметровой «розе», сюжеты которой повествуют о жизни крестьян. Собор сохранил свои витражи неизменными с двенадцатого века. А вот сцены, которые называют повествовательными: по ним можно изучать историю Франции! Здесь – картины из жизни эпохи Карла Великого, его «портрет».

Он вспомнил, как этим летом любовался лучом света, который проходит через отверстие в левом витраже и точно освещает шляпку медного гвоздя, забитого кем-то из средневековых служителей в мраморном полу собора. Это было двадцать первого июня – в день летнего солнцестояния. И столетие за столетием этот луч сквозь витраж и этот гвоздь в мраморном полу говорят о неизменности мироздания.

Вот витраж с житием Святого Евстафия, где изображена Богоматерь, а этот витраж называют «Богородица из красивого стекла». Какое светлое настроение. Стоп... Богородица...

Внезапно память вернулась. *Он* вспомнил, что украл покров. И вспомнил, как ударил викария. Но, главное, он вспомнил, как он радовался и строил планы на будущее. Стало нестерпимо себя жаль, хотелось плакать. И он заплакал, нет, он зарыдал. Надрывно и страшно. Потом как-то сразу успокоился, но взгляд его был странный. Да, он решился...

И, прежде чем совершить этот шаг, он снова подумал, что не позвонил сестре. Она, должно быть, ждала. Милая Николь... Нет, он не будет звонить, он не сможет сейчас сказать ей ничего утешительного и радостного.

Николь Легран была очень расстроена. Любимый брат Анри не поздравил ее с днем рождения. Она была младше брата на два года и не было ни одного дня рождения, чтоб Анри не приехал с цветами и подарком. Два года назад его не было во Франции, он уехал паломником в Италию, но и тогда он нашел время позвонить и поздравить ее. Николь расстроилась, но предположила, что, возможно, он был очень занят. Каково же было ее удивление, когда Анри не приехал и даже не позвонил на следующий день. Потом прошло еще два дня, а он все не объявлялся. Она забеспокоилась. Может, он болен? В больнице? А они не знают...

Николь несколько раз пыталась позвонить на мобильный телефон, но безрезультатно. Потом отослала послание по электронной почте, но ответа не получила. Через несколько дней она решила позвонить в собор, извинилась за нескромное вторжение и попросила к телефону отца Антуана.

– Здравствуйте, мне бы хотелось поговорить с викарием собора.

– А кто его спрашивает?

– Это сестра Анри Леграна Николь. Мой брат – помощник викария, волонтер, он много времени проводит с ним и хочет быть священником. Но вот уже несколько дней я не могу с ним связаться. Может быть, отец Антуан сможет мне сказать, где мой брат.

– К сожалению, он не может подойти к телефону. Вы не могли бы приехать к нам, мадмуазель.

– А что случилось?

– Отец Антуан мертв.

– Как мертв?.. Да, Анри говорил мне, что у него больное сердце... А когда он умер?

– В прошлый четверг, рано утром. А когда вы последний раз общались со своим братом?

– Подождите, я вспомню. Это было во вторник. Это точно было во вторник, я еще подумала, что завтра он мне снова позвонит или, может быть, даже приедет, потому что в среду у меня был день рождения. Но он не позвонил. Сегодня уже понедельник, а от него никаких вестей. Где же он может быть? И кто вы?

– Меня зовут Марк Соланж, капитан полиции. Послушайте, мадмуазель, вы знаете, какой адрес у вашего брата?

– Знаю. Он живет совсем недалеко от собора, я была у него пару раз. Я приеду. Мне нужно часа два, чтобы доехать, от меня нет прямого автобуса, я живу в шестидесяти километрах от Шартра.

– Хорошо. Когда будете здесь, зайдите сначала в собор, а потом мы вместе ходим к вашему брату. Договорились?

– Да, конечно, господин капитан.

Николь ничего не сказала родителям, чтобы не расстраивать их раньше времени. Жаль, придется добираться общественным транспортом: старенькая машина нуждалась в ремонте, и она отдала ее в гараж. Прямого автобуса до Шартра нет, но нужно ехать. И почему ей отвечал капитан полиции? Что-то произошло в соборе. Хоть бы ничего плохого не случилось с братом. Николь быстро собралась и поехала в Шартр.

Максу открыл сам Гершвин Марк Иосифович. И сразу же вместо приветствия сказал:

– Уеду я от вас в Париж. Надоели. Сказал же, что ничего не знаю. Это уже третий визит, молодой человек. Беспокоите старика...

– Да какой же вы старик, Марк Иосифович... Здравствуйте, бесценный вы наш. Разрешите я войду. Вы мне очень нужны, без вас никак.

– А я могу вам отказать и не разрешить?

– Можете, Марк Иосифович. Я не из МУРа. Я теперь частный детектив. Но я очень надеюсь, что вы меня выслушаете и поможете.

Макс с таким виноватым и подобострастным видом посмотрел на Гершвина, что тот только вздохнул и отворил дверь.

– Только недолго. Ваши товарищи из МУРа меня вчера промурыжили три часа, думал, инфаркт у меня после них будет. Таблетки пил.

– Обещаю, я вас сильно мурыжить не буду и до инфаркта не доведу.

Макс пошутил, и они вместе рассмеялись, видимо, представив, каким образом можно мурыжить несильно, то есть так, чтобы не случился сердечный приступ.

– Чаю хотите?

– Нет, спасибо.

Макс не захотел пить чай из чашки, которая не чистилась пару недель. Как старик может жить в таком бардаке? Книги вперемешку с тетрадями и рисунками, стулья завалены всяким хламом, пыль давно не вытиралась.

– Извините, у меня беспорядок. Обычно убирает дочка, но она давно не приезжала. Как придет, снова будет ругаться. В прошлый раз, когда она прибралась в доме, она меня обозвала засранцем евреем. Можно подумать, она – китаянка... Сказала, что еще раз увидит квартиру в таком состоянии, выбросит все в мусор. Но я не могу по-другому. Я после ее уборки ничего не мог найти. Чуть не плакал.

– А где ваша супруга Ида Михайловна?

– Идочка в Париже. А вот я, старый еврей, не могу без Москвы. Две недели там побуду и назад – домой, в Россию. Мне там неуютно. Мне надо чувствовать просторы необъятной родины.

Макс улыбнулся.

– Не верите? Ну как хотите. Так вот, мне, знаете ли, совсем не хочется в конце жизни затеряться где-нибудь в сибирских бескрайних просторах. Поэтому вы напрасно думаете, что я причастен к нехорошим делам. Вы, Максим, зря теряете время.

– Ну что вы, Марк Иосифович, когда я общаюсь с вами, я никак не могу потерять время зря. Вы же просто кладезь информации! Да и потом, мне приятно общаться с вами как с самым мудрым евреем, которого я знаю. А о ваших талантах коммерсанта легенды ходят. Еще когда мы с вами встречались в девяностые годы (я только-только начал работать в МУРе, по вечерам, после занятий на юрфаке), я помню, как наши опера вами восхищались. Говорят, что за шестьдесят лет они так и не смогли доказать ваше... – Макс подумал, как лучше выразиться, – скажем так, не совсем честное зарабатывание денег.

– Ну, таки может мои заработки были всегда честными? Раз уж в самом МУРе не доказали? – Гершвин заулыбался и хитро подмигнул.

– Эх, Марк Иосифович, ваши бы таланты да на службу родине.

– Отслужился я, молодой человек, мне уже восемьдесят два. Пора и о душе подумать, а не о службе Отечеству. Ладно, задобрили старика. Говорите, что там у вас случилось и почему вы ко мне зачастили.

И Макс рассказал ему о краже, о просьбе Мишеля и своих версиях. У него уже сложилось впечатление, что старик что-то знает, но не спешит с откровениями. Нет, он вряд ли замешан, но кое-что скрывает. Как же его разговорить?..

– Марк Иосифович, вот вы сказали, что ничего не слышали. Предположим, так. Но вот... к вам ребята из МУРа приходили, вы же потом, вероятно, справки наводили... Я вас знаю. Хотя бы из простого интереса. Я не говорю, что вы что-то узнали конкретное, но, может, у вас

появились некие мысли, догадки, фамилии интересные всплыли. Я вас прошу, помогите нам. У вас опыт, знания. Подскажите, где нам искать. Понимаете, не хочется перед французами в грязь лицом ударить, хотелось бы показать, что и мы чего-то стоим. – Макс вошел в роль: ага, старик любит, когда ему дают понять, что без него не обойдутся. – И потом... Это же святыня. Надо вернуть верующим.

– Вы, Максим, серьезно считаете, что можете найти покров?

– Да я другого и не представляю. А что, вы полагаете, я слишком оптимистичен?

– Послушайте, что я вам скажу... Если, как вы говорите, покров в России, то найти его вам поможет только сам Господь Бог или... – он многозначительно промолчал, – случайность. Да-да, его величество Случай! Такие кражи нельзя раскрыть ни с помощью технических методов, самых что ни на есть прогрессивных, ни с помощью допросов и опросов.

– Я и не сомневаюсь, что случай вообще играет большую роль в жизни, не только в нашем деле. Но, согласитесь, чтоб этот случай пришел именно к вам, нужно его заслужить. Нужно провести работу, стремиться к чему-то, искать, действовать, а потом наступает этот момент... И вдруг все вокруг говорят: ах, как ему повезло, ну надо же, почему ему так везет!.. Но для того, чтобы тебе повезло, надо много работать. – Максим посмотрел на старика. – Вы не согласны?

– Я согласен, да. Везение приходит к тому, кто его заслуживает. Но я не об этом, Максим. Я о том, что к вам это самое везение может и не прийти, как бы вы ни выкладывались, как бы вы ни пытались... Такие преступления совершаются не для того, чтобы их можно было раскрыть, это...

– Марк Иосифович, я просто пытаюсь делать свою работу, понимаете. Я хочу помочь своему французскому другу, я хочу, чтоб эта святыня вернулась в собор, я очень не люблю, когда убивают людей. Ведь был убит человек, священник... Я отдаю себе отчет, что могу ничего не найти, ребята из МУРа могут ничего не найти, но мы хотя бы *попытаемся* что-то сделать. Вот вы – одна из наших надежд. Возможно, вы ничего не знаете, а может, о чем-то догадываетесь. Возможно, знаете и не говорите... Но если *вы* поможете нам, еще кто-то поможет, что-то мы сами сделаем, то глядишь, сложится мозаика. Если вы в этом замешаны, – Макс посмотрел на Гершвина, и старик запротестовал жестами. – Я говорю: *если* вы замешаны, то вы, конечно, нам ничего не скажете. Но что-то подсказывает мне, что вы не замешаны. Однако это же самое чувство подсказывает мне, что вы чего-то не договариваете, осторожничаете. Вы боитесь? Кого? Тех, кто уже убил одного старика? Или вы просто не хотите с нами сотрудничать?

– А если я действительно ничего не знаю?

– Тогда вы можете узнать! По своим каналам. Хотя бы что-то. Нам пока не за что зацепиться. А время идет. Видите, я раскрываю вам все карты. Я, можно сказать, делюсь с вами информацией, как со своим сотрудником.

– Мне очень жаль, но я ничем не могу вам помочь.

– Но вы попытаетесь?

– Каким образом?

Омский расстроился. Старик помогать не готов. *Пока* не готов.

– Ну хорошо, как хотите.

Макс устало поднялся и хотел уходить, но все же задержался. Вспомнил, что собирался расспросить старика еще кое о чем.

– Да, а что это за история с саламандрой Франциска Первого? Ребята сказали, что вы им предлагали вместо сведений о покрове рассказать историю в саламандре.

Гершвин прищурился. В его глазах – умных и проницательных – появился молодой блеск.

– Это вам муровцы сказали?

– Да поделились в двух словах, что вы им начали рассказывать про французских королей, а им неинтересно стало. А вот мне интересно.

– Эта история – как раз подтверждение моих слов о Случае. Вот уже на протяжении пятидесяти лет, – он сделал паузу для значимости, – разыскивается брошь в виде саламандры, похищенная в конце пятидесятих годов в Париже из Консьержери. Ее украли, вернее, подменили во время проведения выставки драгоценностей французских королей. Эта брошь ценная не только своими бриллиантами и алмазами, но это еще и уникальное произведение ювелирного искусства пятнадцатого века. Это одно из немногих ювелирных изделий той эпохи.

Так вот, как-то утром сижу я в своей французской квартире и пью чай. Позвонили. Моя Идочка пошла открывать дверь. Я услышал, что звонивший сначала говорил по-французски, а потом перешел на русский язык. Ида пригласила его в дом. В комнату вошел молодой человек, очень красивой наружности, с хорошими манерами и предложил мне посмотреть на брошь, не заинтересуюсь ли я ею как покупатель. Я сразу сказал, что если вещь краденая, то и смотреть не хочу. Но он ответил, что брошь принадлежала его бабушке, потом перешла к его маме и от нее – к нему. В настоящее время он нуждается в деньгах и хотел бы ее продать, но даже не знает, насколько она ценная и сколько может стоить.

Я попросил показать. Наверное, я очень разволновался, но как только я взял в руки эту красавицу, руки мои затряслись и из глаз полились слезы. Вы не можете себе представить, Максим, что это за чувство. Вы держите в руках не бриллианты (хотя их там предостаточно), вы держите в руках историю! Эту брошь носил Франциск Первый! Скорее всего, она перешла к нему от его отца – графа Ангулемского Карла. Потом она красовалась на груди Марии Медичи. Напомню вам, что Ангулемская линия Капетингов прервалась со смертью Генриха Третьего. А династия Бурбонов началась с Генриха Четвертого, который был представителем младшей ветви капетингского двора. Мария Медичи была второй женой Генриха Наваррского. Она очень любила драгоценности, заказывала их лучшим ювелирам Франции. Эта брошь должна была передаваться по наследству. Потом, во время французской революции, следы этого ювелирного шедевра, как и многих других произведений искусства, потерялись. Знаете, революции не способствуют сохранению ценностей. И вот совсем случайно, перед самой этой выставкой, в конце пятидесятих годов один французский искусствовед нашел эту брошь на блошином рынке в Париже. Потом она снова пропала.

И я держал ее в руках! Конечно, я сразу подумал, что молодой человек врет, никакая его бабушка не владела этим сокровищем.

Он догадался о моих сомнениях, рассмеялся и сказал: «Я вижу, что вы узнали эту брошь. И, естественно, думаете, что я наплел вам всякую чепуху о своей бабушке, но не спешите делать выводы. Я не представился, извините. Меня зовут... (он назвал свое имя), мои предки принадлежали знатному русскому дворянскому роду, и моя прапрапрабабушка действительно владела этой брошью, причем на совершенно законных основаниях. Эту брошь передала ей в дар Елена Мекленбург-Шверинская, герцогиня Орлеанская, жена Фердинанда, сына последнего короля Франции Луи-Филиппа в знак дружбы и признательности за оказанную услугу. Я мог бы рассказать вам эту историю, но это семейная тайна, и я пока не готов посвящать в семейные тайны посторонних. Потом эту брошь выкрали у моей «прапра», и потомки искали ее повсюду. Когда мой дед увидел эту драгоценность на выставке в Консьержери, он решил вернуть ее в семью. Дед разработал план и выкрал ее для своей дочери – моей мамы. Как ему это удалось, осталось тайной. Он хотел мне рассказать перед смертью, но не успел. Так что я, действительно, владелец этой броши, хотя вернулась она к нам в семью не совсем законным способом».

Я спросил, чего же он хочет от меня. Ответ меня очень удивил и обескуражил: денег! Он хочет продать эту красавицу! Боже мой, как можно продавать такую красоту?! И почему он пришел ко мне? Я объяснил ему, что я, конечно, не беден, но и не так богат, чтобы купить эту брошь. К тому же я бы не смог ее показывать, я бы не смог ею похвастаться, так как она

была украдена из музея. Я не Гобсек, чтобы любоваться своими сокровищами в одиночестве, мне нужна публика.

Молодой человек попросил посоветовать ювелиров, которые могли бы заинтересоваться этой брошью и не задавать лишних вопросов. Я обещал ему подумать и перезвонить. Естественно, я переговорил с теми, кто мог быть заинтересован. И он продал потом эту вещь.

– Откуда вы знаете?

– О, Максим, я имею свои комиссионные от каждой сделки. Вы скажете, что я должен был сообщить французской полиции, что мой долг гражданина меня обязывает... и так далее и тому подобное, но, во-первых, молодой человек очень настойчиво просил меня не делать этого, потому как я старый человек, а у меня есть дочь и внуки. А вы понимаете, что это значит, когда тебе намекают на твоих близких? Во-вторых, он знал о моей репутации, и, в-третьих, я имел свои комиссионные. Конечно, я вам не скажу, от кого и какие, да это и неважно.

Вот и вся история о саламандре. Не знаю, поможет ли вам чем-нибудь мой рассказ, но он может быть поучительным для тех, кто *ищет* или, как вы говорите, *пытается* что-то сделать.

– А вы можете мне назвать имя этого человека?

– Зачем? Что это вам даст? А для меня лишние хлопоты. Кстати, имя тоже может быть ненастоящим.

– А все-таки...

– Нет.

– Ну, хорошо, Марк Иосифович. Спасибо за рассказ. До свидания.

Макс вышел от Гершвина. Пока ехал домой, обдумывал сказанное им. История с саламандрой, конечно, интересная, но имеет ли она хоть какое-то отношение к покрову? Пока связи он не видел. Он подумал о молодом человеке из дворянского рода (ой ли?), который хорошо говорит по-французски. Кто он? Правдив ли его рассказ? Вряд ли. Хотя... Надо было дожать старика, чтоб назвал имя. У Макса осталось странное впечатление, что он что-то пропустил в беседе с Гершвиным. Не в рассказе про брошь (здесь у него все четко отложилось в памяти), а во всей встрече. Старик сказал нечто такое, на что нужно было обратить внимание. Но что? Какая-то фраза вертелась в голове, но никак не вырисовывалась.

Макс знал, что нужно перестать об этом думать, и тогда информация сама выплывет на поверхность.

Он обещал позвонить Красавину, но, по правде говоря, пока похвастаться нечем. Макс решил, что сейчас звонить не будет. Сначала надо встретиться с Андреем, вечером поговорить с Мишелем, а завтра с утра – господин Лисовский.

Не унывать! Уныние – страшный грех! Он поднялся к себе на этаж и только возле двери почувствовал, что проголодался...

Николь приехала в Шартр. Автобус остановился прямо на центральной площади. Она раздумывала, как лучше поступить: сначала сходить к Анри домой или, как обещала капитану Соланжу, зайти в собор и уже вместе с капитаном идти к Анри? Чувство беспокойства возникло с новой силой.

«Сначала в собор», – решила она.

Дверь центрального портала была закрыта, две полицейские машины стояли у боковой двери, в которую входили и выходили люди в форме. Николь подумала: «Неужели из-за смерти викария столько предосторожностей? Что-то здесь не так». И вошла в дверь.

– Мадмуазель, сегодня собор закрыт, вы не можете зайти, – сказал находившийся в проеме полицейский.

– Я вижу, месье, но мы договорились с капитаном Соланжем о встрече.

– А, вы, наверное, Николь Легран?

– Да.

– Тогда проходите. Сейчас я позову капитана.

Марк Соланж тут же вышел к ней, они пожали друг другу руки. «А он очень хорош собой, – отметила Николь, – отличная фигура и такие волосы! Даже завидно. Зачем мужчине столько волос? Вот бы мне такую шевелюру».

– У вас нет новостей от брата?

– Нет, месье. Я очень волнуюсь.

– Вы говорили, что знаете, где он живет. Если это так, то давайте не будем медлить и сразу же пойдем к нему.

– Да, конечно.

Его квартира была совсем рядом, à deux pas de la cathédrale⁶.

– Скажите, а почему столько полицейских возле собора? Неужели смерть викария наделяла столько шуму. Да, его жалко, но ведь он был совсем стареньким, у него было большое сердце.

– К сожалению, его убили, Николь.

– Как убили? Почему?

– Этого я пока не могу вам сказать.

– Но вы знаете почему?

– Думаю, что причина нам известна.

Николь промолчала. Волнение вновь охватило ее, капитан заметил это и поддержал ее под руку.

– Вот, мы пришли. На третьем этаже живет мой брат.

Они подошли к двери, постучали. Никто не открывал.

– У вас есть ключи?

– Нет, в этом не было необходимости. Я никогда не приезжала к Анри без звонка. Где же он может быть?

– Нам нужно взломать дверь, мадмуазель.

– Взломать? Но как же так?..

– Простите, но это необходимо.

Он позвонил своим сослуживцам, потом они ждали полицейских у подъезда. А после...

Николь все помнила, как в тумане. Анри, ее любимый брат Анри... Он был мертв. Кто-то расспрашивал ее, кто-то пытался усадить на стул, вызвали врача. Она отвечала на вопросы, много вопросов... Спрашивали о какой-то записке... Врач сделал ей успокоительный укол. И запах... Этот странный запах, он преследовал ее. Потом тело брата куда-то отвезли.

Соланж привез ее в полицейский участок, напоил кофе и обещал отвезти домой чуть позже. И только здесь, в полицейском участке, она вдруг разрыдалась. Она плакала сильно и не могла успокоиться. Нужно позвонить родителям, но у нее не было сил. Как такое могло случиться? Анри, у которого было столько планов, вдруг взял и покончил с собой? А может, его, так же как и отца Антуана, убили? И Николь снова заплакала. Нет, сейчас она не может ни о чем думать, а завтра она успокоится и обо всем расспросит капитана.

Вечером Марк Соланж отвез ее домой, был очень внимателен. Сказал, что родителям уже сообщили. Это хорошо, подумала Николь, что она сейчас не с ними. После пережитого шока в квартире брата ей бы не хотелось сейчас видеть несчастную мать. Она была благодарна капитану за внимание и заботу, которые он проявил, хотя это и не входило в его обязанности, но у нее не было сил даже на простое спасибо. Завтра. Завтра будет легче.

^{6 1} В двух шагах от собора (фр.).

Андрей доедал ужин. Он принес все с собой, зная, что без Галины Петровны, бабушки Максима, в квартире вряд ли можно будет полакомиться чем-то вкусненьким. Макс подумал, что никакие напасти не смогут отвлечь Андрюху от еды. Сначала хорошо покушать, а потом все остальное. Тот поглощал свой ужин с таким удовольствием, что Макс невольно позавидовал: как ему удастся столько уплетать и при этом оставаться таким стройным? Есть Андрей хотел всегда! Кофеечек, чаечек с конфеткой, булочки, печенье... И при этом еще хороший завтрак, обед и ужин. Но, к счастью, Андрей был неприхотлив в еде, мог с удовольствием поесть и устрицы, и сосиску с макаронами, и кильку в томате. «Что есть, тем и закусим», – говаривал он частенько.

А Макс поесть забывал, к еде относился спокойно, мог целый день так и не вспомнить, что не мешало бы перекусить. Но вот такие вечерние посиделки с Андреем любил. Они не просто ужинали, а разговаривали о работе, версиях, догадках, мотивах. В общем, работали. Иногда Андрей посматривал на часы и говорил, что его ждет очередная пассия, и убегал, оставляя Макса в одиночестве.

С тех пор, как Макс развелся с Леной, ему было как-то не до женщин. «Что очень плохо», – сетовала бабуля и пыталась ему сосватать многочисленных внучек всех своих подруг. А подруг у учительницы русского языка и литературы, заслуженного учителя было много. Она до семидесяти лет работала в школе, потом ушла на пенсию, но все равно не могла без школы. Бывшие ученики приходили, приносили цветы. «Учителя на пенсии не бывает, – говорила Галина Петровна, – это не должность, это образ жизни».

Сегодня Андрей никуда не спешил. Они ждали звонка от Мишеля и подводили итоги двух дней работы.

Макс рассказал о встрече с Гершвиным.

– Знаешь, я думал сначала, что рассказ о саламандре Франциска Первого ничего нам не дает. Но вот я все время к нему возвращаюсь. Мне кажется, что наш коммерсант таки поведал нам правдивую историю. Но вот зачем? Что он хотел этим сказать? В чем связь между покровом Богородицы из шартрского собора и бриллиантовой брошью? И потом, меня мучает одна деталь в разговоре, не пойму, что именно. Прокручиваю всю беседу и не понимаю...

– Надо брать диктофон.

– Да ты что?! Разве бы он согласился со мной беседовать, если бы знал, что я записываю разговор.

– И то правда. А я тебе тоже хочу кое-что рассказать.

– Жду с нетерпением.

– Подожди, вот еще сыр и десерт остался.

– Да наешься ты когда-нибудь? – усмехнулся Максим. – Бедная твоя будущая жена, она от тебя сбежит, не сможет накормить такого обжору.

– Ничего, прокормит. У меня ведь есть и положительные качества.

Они рассмеялись, а Андрей приступил к сырам и десерту. Макс выпил кофе и приготовился слушать своего помощника. Да нет, не просто помощника, скорее, друга.

– Значится так... Я тебе говорил, что Истомины скоро летят в Париж. Я дозвонился до мадам. Все свое обаяние, все красноречие подключил. Мозги расплавились после нескольких минут разговора по телефону. Но, по-моему, я ее все же обаял. Ох и женщина! Все видит и слышит, и, главное, чувствует на расстоянии. Но я уговорил ее на встречу. Теперь вот боюсь идти. Может, вместе сходим? Я буду ораторствовать, а ты выводы делать. Ты ж у нас специалист по выводам. Да и вместе все-таки комфортнее.

– А что ты ей сказал, какая цель встречи?

– Если б я сказал, что хочу поговорить об украденном покрове, она бы меня послала... далеко-далеко, как ты понимаешь. Я ей сказал, что меня интересует немецкая гравюра средних веков, что мне нужно узнать *ее мнение* как единственного (я подчеркнул – *единственного!*) настоящего знатока средневековой гравюры насчет одной малоизвестной и уникальной вещи. Она спросила, чья это вещь. Я сказал: моя. На что она засмеялась и спросила, кто автор. Вот тут я ее и поймал. Я сказал, что это и есть причина моего звонка. Авторство этой гравюры под сомнением. Скорее всего, это Михаэль Вольгемут. Для тебя поясню, что это немецкий живописец, гравер и резчик по дереву пятнадцатого века. Пара его работ пропали во время Второй мировой войны. Поэтому она тут же клюнула. Никто не знает, где и когда могут нарисоваться эти работы. Истомина назначила мне встречу на завтра, на двенадцать.

– Ну и как ты будешь выкручиваться? Где возьмешь гравюру, хотя бы отдаленно напоминающую твоего этого, как его, Вольгемута?

– Обижаешь, шеф. – Андрей хитро улыбнулся. – А друзья нам на что дадены? Саша Гладышев подсуетился. Это его конек: северное Возрождение в Германии. Он обнаружил в архивах мюнхенской пинакотеки кое-что интересное. Естественно, он даст мне очень хорошую фотокопию одной гравюры. А я уже додумаю, что гравюра принадлежит нашей семье и досталась мне от деда, воевавшего в Германии. Или, как вариант, раскрою карты, что являюсь детективом, и выполняю заказ одного влиятельного человека по установлению авторства этой гравюры. Посмотрю по обстоятельствам.

– А дальше? Как ты выйдешь на покров?

– А вот тут, дорогой шеф, мне пришла в голову мысль, когда я поглощал десерт. Знаешь, сладкое всегда стимулирует мою умственную деятельность.

– Не только сладкое. И горькое, и соленое. Лишь бы было что жевать.

– Нет, именно сладкое.

– Да не тяни уже, говори.

– Что, интересно? А вот я возьму и расскажу мадам еще об одной тайне – саламандре Франциска Первого. Естественно, без указания источника информации. Если у нее есть роза Генриха Наваррского, то ее очень заинтересует история о саламандре, которая тоже принадлежала Марии Медичи, как и роза. А потом я перейду к покрову. И намекну, что мне кое-что известно о его похищении. Ну а дальше я, честно говоря, не знаю, – Андрей приуныл, – посмотрю по ее реакции. Я ведь буду, по ее мнению, эдаким богатеньким юношей, имеющим интерес к гравюрам, бриллиантам и всяческим загадкам. Может, я ее разговорю. Я не глуп...

Макс усмехнулся.

– Красив...

Макс закатил глаза.

– Имею успех у женщин, особенно пожилых. Возраст мадам Истоминой – самый мой любимый возраст.

Они оба рассмеялись. И если бы не телефонный звонок, они бы продолжали дурачиться и хохотать. Андрей взял трубку. Звонил Мишель. Андрей говорил с ним по-французски, а Макс с завистью слушал, как катается грассированное «р» у Андрея во рту. Какой красивый язык! Макс вполне сносно мог объясниться на английском. Иногда, когда звонил Мишель, они так и делали – разговаривали по-английски, но это совсем не то. Андрей по-французски говорил свободно, понимал юмор, каламбурил, в общем, что называется, свободно владел иностранным языком.

Это было одним из тех «положительных качеств», которым Андрей разил наповал всех понравившихся ему женщин или, как он их называл, пассий. Вдруг прочтет наизусть Верлена или Элюара. И дамочки тут же влюбляются. Удивительным было то, что, когда Андрей с ними расставался, никто ему не закатывал никаких сцен. Он умел любить радостно и расставаться радостно. И со всеми у него оставались прекрасные отношения.

Андрей положил трубку. Помолчал.

– Ох и любишь ты паузы, Андрюня. Тебе бы в артисты, господин Шустров. Ты бы эти паузы так отыгрывал, что зал рыдал бы, – усмехнулся Макс. – Рассказывай.

– Пока мы тут с тобой работаем с русскими коллекционерами, во Франции, мой дорогой шеф, события развиваются очень быстро. Как я тебе говорил, появился еще один труп. Некий молодой человек – ученик духовной школы и помощник-волонтер у викария, Анри Легран, собиравшийся, по словам его сестры да и всех служителей собора, оставить мирскую жизнь и стать церковным служащим, найден мертвым в своей квартире. Повесился.

Конечно, будет произведена дополнительная экспертиза, возможно, это убийство, хотя и не похоже. На столе найдена предсмертная записка, адресованная его сестре. Если перевести с французского, то что-то вроде: «Прости, моя дорогая Николь, жизнь стала бессмысленной, ибо я совершил тяжкий грех. Грех мой в том, что я убил человека. И всему виной дьявол-искуситель – золотой телец». Предполагают, что он хотел подменить покров, чтоб его продать за большие деньги, но неожиданно у часовни появился отец Антуан, и парень был вынужден убить священника, чтобы скрыть похищение. Потом он подменил покров и ушел домой. Французы считают, что его обманули и денег ему не заплатили. Вернее, покупатели провернули какую-то хитрую аферу с деньгами, и когда этот Анри захотел перевести сумму на другой счет или совершить какую-то банковскую операцию (я в этом не особенно разбираюсь), денег там уже не было. Возможно, стресс был таким сильным, что ему ничего не оставалось, как покончить с собой. А, может, это было раскаяние.

Увы, покрыва у него не оказалось. Зато оказались на столе три кофейные чашки. Сейчас криминалисты колдуют над пальчиками. Возможно, удастся что-то выяснить. Они предполагают, что из двух чашек пили покупатели. Если они оставили отпечатки – это упростит дело. Но все это очень странно. Это не похоже на профессионалов. Или они были уверены в том, что эти чашки никогда не попадут в руки полиции? Они не предполагали, что он может покончить с собой? Или это чашки, которые не имеют к ним никакого отношения, и тогда появившаяся ниточка снова обрывается. Вот так. А нам нужно продолжать работать. Я изложу Мишелю по «электронке» все, что мы узнали. И напишу о наших планах на завтра. Все. Есть какие замечания, пожелания, шеф?

– Есть. Первое. Я тобой очень доволен. И мне нравится тебя слушать, когда ты говоришь по-французски. И второе. Я вот думаю, может, нам, действительно, пойти вместе к Истоминой? Я к тому времени закончу с Лисовским. Его секретарша выделила мне тридцать минут, представляешь? Если повезет и я произведу на него впечатление, мы с ним потом еще раз встретимся. А к двенадцати я буду свободен. Как думаешь?

– Я – за.

– Хорошо, завтра решим. Ты свободен на сегодня. Спасибо, Андрюша.

И Андрей ушел. А Макс принялся продумывать завтрашнюю беседу с Николаем Осиповичем Лисовским.

Глава вторая

Известный криминалист и частный детектив Мишель Дебре и капитан полиции Марк Соланж зашли в кафе на rue Saint-Degré⁷, которая находится рядом с кафедральным собором, выпить кофе.

– Как получилось, что вы, месье Дебре, работаете по этому делу?

– Мне позвонил епископ сразу после убийства отца Антуана. А когда они обнаружили эту чудовищную подмену, он попросил меня приехать немедленно. Можно сказать, он нанял меня расследовать это дело.

– Он не доверяет полиции?

– Да нет, что вы, конечно, доверяет.

Мишель понимал, что полицейские не очень любят частных детективов, но так как он был известным криминалистом и специалистом по изобразительному искусству и к нему часто обращались за консультацией, то его розыскную деятельность, скажем так, терпели. Иногда снисходительно делились информацией, иногда уважительно советовались, но, в основном, в его личные детективные дела не вмешивались, хотя деятельность его не сильно поощряли, особенно когда он работал параллельно с полицией по одному и тому же делу. Но здесь все зависело от конкретных людей, ведущих расследование.

– Когда-то я оказал ему услугу (тогда он еще не был епископом) как частному лицу и с тех пор у нас сохранились теплые отношения. Знаете, я даже стал приходить на мессы. Вот, был в этом году на Пасху. В основном, общался с епископом. Кстати, я хорошо помню этого парня Анри Леграна. Я видел его в соборе и даже беседовал с ним однажды.

– Это правда, что вы работаете с частными сыщиками из России?

Мишель улыбнулся:

– Да, правда. Я их нанял. Поверьте, эти ребята знают свое дело. Они могут нам помочь. А что там с отпечатками пальцев?

– На одной чашке отпечатки были очень четкими. По нашей базе данных они не проходили. По всей квартире удалось найти немного: есть еще пару незнакомых отпечатков, не принадлежащих ни Леграну, ни его сестре. Мы отправили также запрос в Россию. – Он откусил кусочек печенья, которое прилагалось к кофе. – Почему не введут, как в Америке, хотя бы в аэропортах, процедуру снятия отпечатков пальцев? Прилетел в страну, будь добр, приложи пальчики. Насколько было бы проще работать.

– Я думаю, вы правы, в целях безопасности это просто необходимо сделать.

– Скажите, ваши друзья из России разузнали что-нибудь для нас интересного?

– К сожалению, пока нет. Но уже проверены некоторые лица и можно смело отместить какие-то версии, что тоже немало. Но вы не волнуйтесь, как только у меня будут важные сведения, я обязательно поставлю вас в известность. Кстати, мои друзья детективы тоже «на связи» с вашими коллегами из московского уголовного розыска. Так что нам нечего скрывать друг от друга, мы все заинтересованы в скорейшем возвращении покровы и расследовании убийства.

– Меня сейчас беспокоит, чтобы исчезновение реликвии пока оставалось в тайне. Журналисты так и снуют повсюду. Пока нам удастся объяснить наше присутствие здесь только убийством викария. Представляете, какая поднимется шумиха в прессе?

– Насколько мне известно, о том, что покров ненастоящий, знают единицы, поэтому можно надеяться, что это не станет достоянием гласности.

⁷ 1 Улица Сан-Дегре (фр.).

Они заказали по второй чашке крепкого кофе, поговорили о том о сем и вернулись в собор. Марк Соланж подумал, что сегодня надо обязательно съездить к Николь. Нужно расспросить ее о брате, его знакомых. Может, она кого-нибудь из них знает. Но, чего греха таить, девушка ему очень понравилась, и он просто хотел еще раз ее увидеть. Совместить полезное с приятным, так сказать. Хотя какое уж тут приятное, она, бедняжка, была так расстроена вчера.

И Мишель подумал о том же: надо навестить семью Анри, расспросить всех служащих собора о его знакомых. И надо как можно быстрее найти хозяина пальчиков. Есть еще пару дел на сегодня.

Макс ждал Лисовского в холле военно-исторического архива. Он пришел на пятнадцать минут раньше намеченного времени. И сразу почувствовал, что в этом здании совершенно особая атмосфера. Как будто переступаешь порог и попадаешь в другой мир: несуетный, спокойный, очень доброжелательный. С самого утра в Москве ты подвержен стрессам: пробки на дорогах, общественный транспорт переполнен, люди спешат, бегут, всем некогда, все заняты. А здесь как-то все спокойно. Нет, он нашел другое слово: здесь все *достойно*. Он расслабился в уютном кресле и не сразу отреагировал, когда к нему обратились:

– Вы, очевидно, Омский Максим Максимыч?

Макс вскочил, как-то неуклюже пожал протянутую руку, извинился:

– Извините, Николай Осипович, после утренней Москвы я просто попал в другой мир. Здесь так уютно. Я знаю, что у нас мало времени и предупрежден, что у меня всего тридцать минут.

– Мне сказала Анечка, что вас рекомендовал Саша Гладышев. Я хорошо его знаю, он замечательный исследователь. Но, насколько я помню, он не занимается христианскими святынями. А вы, как я понял, интересуетесь покровом Святой Девы Марии.

Макс подумал, что Анечка – это, наверное, старая мымра, с которой он так долго договаривался о встрече, и в его воображении возникло некое странное существо: очки, поджатые губы, серый костюм... «Да что ж такое со мной происходит, надо настроиться на работу, а не расслабляться, во всем виноват этот Архив – настраивает на какой-то несерьезный лад». Он собрался с мыслями.

Лисовский продолжал:

– Так о чем бы вы хотели меня спросить? Я не совсем понимаю цель нашей беседы.

– Спасибо, что согласились со мной встретиться. Я попробую вам объяснить, что мне от вас нужно. Я частный детектив. В настоящее время работаю по одному делу. В деле фигурирует покров Богородицы из шартрского собора.

– Ну-ка, ну-ка, расскажите.

– Николай Осипович, мне кажется, что нет смысла выдумывать какие-нибудь истории, чтобы подвести вас к интересующему меня вопросу. Я спрошу прямо: вы знаете о том, что покров из собора украден?

На лице Лисовского отразилось изумление. «Если он играет, – подумал Макс, – то очень хорошо это делает, настоящий артист».

– Покров Богородицы украден? То есть как, украден? Когда? Боже мой, и где он сейчас?

– Значит, *вы* ничего не знаете об этом?

– Я? А почему я должен об этом знать?

Он так искренне удивился этому вопросу, что Макс засомневался, стоило ли ему вообще приходить к этому человеку. Вернее, приходить стоило, а вот подозревать его? Но ведь об этом просил и Мишель. Значит, нечто все-таки есть, если французская полиция просила обратить на него внимание.

– Почему *вы*? Потому что вы – собиратель раритетов и ценностей, в вашей коллекции находятся редкие предметы, книги, манускрипты. А еще у вас есть деньги, вы можете позволить себе купить все, что вас заинтересует. Вы не жалеете денег на интересующий вас предмет. Вот недавно вы купили подлинный трактат Дюрера. Или я неправ?

Лисовский долго смотрел на Макса, ничего не говорил. Затем медленно произнес:

– Вы оскорбляете меня, Омский Максим Максимович, своими дикими подозрениями. Чтобы я мог отважиться на кражу христианской святыни?.. И потом, вы что, думаете, я работаю в ФСБ или ЦРУ, чтоб осуществить такой грандиозный план? Да как вы смеете? – он прошелся по залу, остановился, долго смотрел на Макса, успокаивался, потом продолжил: – Сейчас у меня есть два варианта разрешения нашей беседы. Первое. На этом мы можем закончить, и я больше слышать о вас ничего не хочу. Считайте, что я ваше нахальство прощаю, списывая его на ваш юный возраст. Хотя «юный» по отношению к вам – это не совсем точное определение...

– И второе?

Макс ждал... Лисовский понемногу стал успокаиваться.

– Второе... Мы можем продолжить нашу беседу, но не сейчас, у меня назначена встреча. – Он посмотрел на часы. – Через час я освобожусь, мы вернемся ко мне, и я преподам вам урок хороших манер. Но при условии, что вы не будете смущать меня своими гнусными подозрениями. И поделитесь со мной информацией, которая вам известна о краже, потому как это просто из ряда вон выходящее событие.

– Конечно, я вас подожду. Мне просто необходимо с вами поговорить. Обещаю, что буду вести себя прилично, вы увидите во мне «не мальчика, но мужа».

Лисовский ушел на свою встречу, а Макс тут же позвонил Андрею:

– Вот что, придется тебе идти к Истоминой без меня.

– Но...

– Никаких «но». Я занят. Ты меня убеждал, что ты умный и красивый, что ты просто в восторге от женщин зрелого возраста, что Истомина – твой идеал. Так что действуй. Я на тебя рассчитываю! Пока. До встречи. И... это... – Макс еле сдерживал смех, – ты не имеешь права включать ее в круг своих пассий. Только дело! И ничего больше!

И Макс отключился.

Они стояли перед дверью в офис Лисовского. Или это все-таки квартира, а не офис? Или это и офис, и квартира, как, например, у Макса? «Правда, масштаб не тот», – подумал Макс и ухмыльнулся. Миновали охрану, поднялись на второй этаж и открыли дверь в кабинет.

Дальнейшее Макс вспоминал с трудом. Ибо когда он зашел в кабинет (Лисовский пропустил его первым), он увидел Анечку. Ту самую Анечку, «мымру», у которой он с таким трудом вчера по телефону вымаливал встречу. Она поднялась, протянула руку, представилась. Потом, кажется, предложила им принести в кабинет кофе или чай. Макс попросил кофе. Нет, чай. Или все-таки кофе? «Ладно, когда принесет, увижу, что я попросил». Да, Анечка была в сером костюме (надо же, угадал!), и у Анечки были очки. На этом сходство с той, воображаемой им еще пару часов назад, Анечкой закончилось.

Это была женщина, о которой он мог только мечтать. *Его* женщина. Ему тридцать семь лет, один брак продлился почти пять лет и закончился как-то тихо, сам собой: выдохся, сдулся, как воздушный шарик. Ни он, ни Лена – бывшая жена – о расставании не жалели. И «остались друзьями», как принято говорить в таких случаях. Вот уже шесть лет он ходил в холостяках. Его это не смущало, но очень огорчало бабушку. И вот здесь и сейчас он увидел женщину, от взгляда на которую у него пошли мурашки по телу. Он даже мысленно выругался и заставил себя собраться. Она была далеко не красавица, ничего такого, что бросается в глаза. Лет

тридцати. Да, приятная, да, изящная. Но таких приятных и изящных женщин можно встретить повсюду. Это была просто *его* женщина и этим все сказано. Интересно, а она замужем? И кто у нее муж? Потом он рассердился на себя: какая разница, кто у нее муж. Господи, о чем он думает! «Соберись, – отругал себя Макс, – ты на работе!»

Анечка принесла ему кофе, а своему шефу чай. Что-то к чаю. И прикрыла дверь. Лисовский, кажется, заметил его смущение.

– Вам понравилась Анечка? Это лучшее, что есть у меня в коллекции.

«Ах, вот оно что...» – с сожалением подумал Макс. Очевидно, на лице его отразилось такое неподдельное разочарование и смущение, что Николай Осипович рассмеялся.

– Да нет, вы не так меня поняли. У меня до нее было несколько секретарш, которые были лучше или хуже, вроде бы делали исправно свою работу, но, когда появилась Аня, я понял, что в ее лице я приобрел бесценный экземпляр. Это не секретарша. Это мой помощник и советчик. И просто умница. Я очень ей признателен. Будет жаль, если она уйдет.

– А почему она должна уйти? – глухим голосом спросил Макс.

– Ну, она молода и прекрасна. Однажды ей надоест быть помощником у такого старого зануды, как я. Работа ей нравится, я знаю, но пора подумать о семье.

«Не замужем», – отметил про себя Омский.

– Я ей желаю только добра и очень хочу, чтобы она встретила достойного человека. Хотя мне и будет очень грустно с ней расставаться.

– А что, разве нельзя совмещать семью и работу?

– Можно. Но не для Ани. – Он помолчал. – Ну хорошо, давайте продолжим наш разговор.

– Вы меня простили?

– А вы больше не думаете, что я причастен к краже в соборе?

Максим смутился. До чего проницательный. Надо быть очень внимательным.

– Как вам сказать...

– А так и скажите. Изложите свои сомнения.

– Хорошо. Скажем так, я не думаю, что вы причастны. Но я сомневаюсь, что вы откровенны со мной и ничего об этом не знаете.

– Это ваше мнение?

– И мое тоже.

– А чье еще?

– У меня есть друг, частный детектив из Франции, и это он просил «проверить» вас. Видите, я с вами искренен. И продолжу быть честным: если бы я узнал, что вы в этом как-то замешаны, я не стал бы скрывать эту информацию и тут же передал ее кому следует. Хотя вы мне очень симпатичны, – добавил Макс.

– Я благодарю вас за откровенность. Но вынужден вас разочаровать: для меня новость о краже покрывала была такой же неожиданностью, как и для вас. Я не представляю, кто и зачем мог это сделать. Хотите, я изложу вам свои мысли на этот счет?

– Я за этим и пришел.

– Но сначала вы скажите мне, почему вы ищете покров здесь, в России?

– Я сам точно не знаю. – Максим говорил правду, он честно пытался понять логику французских розыскных органов, но потом решил «не усложнять себе жизнь», а просто искать. – Таково предположение тамошних полицейских. Они, конечно, ищут повсюду, но особый акцент делают на версии, что покров у нас.

– А акцент на *мне* тоже просили сделать французские полицейские?

– Не совсем. Я не могу вам этого сказать.

– Но почему? Потому что я купил Дюрера? Заметьте, совершенно законно купил. И даже уплатил этот чертов налог. Простите, вырвалось. – Извинился он за слово «чертов». Или за

несдержанность. Но Макс только внутренне улыбнулся. Удивительно, но Лисовский ему все больше и больше нравился.

– Это могло навести на мысль.

– Нашу коллекцию начал собирать еще мой дед, потом отец. Я посвятил этому всю жизнь. Вам этого не понять. Только истинный коллекционер может понять меня. Но я не вор! Да, у меня были сомнительные сделки. Может быть, сейчас, когда у меня есть опыт и знания и, главное, моя коллекция, я бы поступал по-другому, не так, как в молодые годы. Наверное, я не всегда платил столько, столько стоили эти работы. Было время, когда мой дед, и чего греха таить, я сам, за бесценок скупали настоящие шедевры. Но чтобы просто украсть?! Да еще реликвию?!

– Николай Осипович, никто не говорит, что вы украли. Но вы могли бы пожелать эту вещь, а кто-то для вас постарался.

– Значит, я вас так и не переубедил...

– Не то чтобы не переубедили. Я просто рассуждаю вслух. Может, вы с кем-то поделились своими мыслями, сказали, например, что хорошо бы иметь в своей коллекции христианскую реликвию. И этот кто-то воспринял ваши слова как руководство к действию.

– Нет. Такого не было. Это не сфера моих интересов как коллекционера. Поверьте. Хотя я очень много интересуюсь искусством и архитектурой средневековья, не скрою, я достаточно сведущ в этих вопросах, а также в вопросах истории христианства, но я даже не помышлял заиметь в своей коллекции что-то подобное.

– Хорошо, допустим я вам поверил.

– Только допустим?

– Пока да. – Макс улыбнулся. – Только допустим. Но я хочу убедиться в этом. И вы можете мне помочь.

– Я попробую, – как-то по-детски наивно произнес Лисовский. – Вы были в Шартре? – безо всякого перехода начал он.

– Нет. Я несколько раз бывал во Франции, но, честно признаюсь, даже не думал, что нужно посетить этот город. В следующий раз обязательно поеду туда.

– Это удивительный город и удивительный собор. Хотя во Франции очень много замечательных соборов. А вы знаете, что во Франции находится очень много христианских святынь?

– Неужели? Я не знал.

– Да, это так. И одна из таких святынь находится... – он сделал паузу, – *находилась* в шартрском соборе. Покров Богородицы – это христианская реликвия, подаренная собору Карлом Лысым, внуком Карла Великого, в восьмьсот семьдесят шестом году, если мне не изменяет память. А тому она была передана в дар византийским императором. По преданию, в это покрывало была облачена дева Мария, когда к ней пришла благая весть о том, что она станет матерью Иисуса Христа – сына Божьего и Спасителя мира. С тех пор, как это покрывало хранится в соборе, оно оберегает не только собор, но и жителей Шартра.

Знаете ли вы, что известны несколько случаев действительно чудесного избавления жителей Шартра от войны с викингами, потом с англичанами, от пожаров и даже чумы. И все эти чудеса приписывают наличию в соборе покрыва Богородицы. В начале второго тысячелетия вся Европа шла паломничеством к покрову шартрской Богоматери. Собор даже стал центром прославленной епархиальной школы, которой руководил епископ Реймский, ставший Папой Римским под именем Сильвестра Второго.

А во время пожара, когда полностью сгорел город и собор, и все подумали, что покрывало тоже превратилось в прах, из развалин собора вышли клирики и вынесли раку с покровом. Тогда энтузиазм охватил весь город, и народ приступил к восстановлению собора. Люди шли из всех провинций: и крестьяне, и ремесленники, и господа, и простой люд. Кто не мог

прийти – посылал пожертвования. И за очень короткий срок собор отстроили. В тысяча двести шестидесятом году его освятили.

Не буду посвящать вас в философские учения епархиальной школы, скажу только, что сюжеты всех трех порталов вдохновлены именно этими учениями. А епископы много сделали для того, чтобы привлечь лучших архитекторов и каменотесов. Был построен совершенно новый собор, грандиозный и уникальный по своей архитектуре, с ценнейшими витражами и особенной атмосферой.

Но вернемся к покрову. Знаете ли вы, Максим, что во время французской революции покров был изъят из собора и разрезан на куски? Потом эти куски были проданы.

Максим удивленно посмотрел на Лисовского.

– Да-да. Все революции несут только разрушения, – добавил Лисовский, а Макс отметил про себя, что эту же мысль высказал вчера и Гершвин. – Но, очевидно, революционеры быстро спохватились и вернули в собор одну, самую большую, часть покрывала, два с лишним метра из пяти. В тысяча девятьсот двадцать седьмом году в Лионе была проведена экспертиза ткани, и эксперты датировали эту материю первым столетием нашей эры. Это шелк очень хорошего качества, прекрасно сохранившийся в наши дни. Кстати, именно это богатство ткани, редкие для тех времен дорогие шелковые нити, из которых сплетен покров, смутило некоторых исследователей, потому что социальный статус Марии в то время не позволял ей иметь покрывало такой высокой стоимости. Она вела скромную и уединенную жизнь в доме Иосифа, своего дальнего родственника, который заботился о ней и охранял ее девственность. Поэтому некое несоответствие богатства ткани и образа жизни Девы Марии налицо. Но все это только версии. Верующие христиане верили и продолжают верить в святыню.

– А какие еще христианские святыни есть во Франции?

– Кроме покрыва Богородицы в Шартре, во Франции находится голова Ионна Крестителя в Амьене; в парижском соборе Богоматери – терновый венец Христа, нешвенный хитон Спасителя – в Аржанто, мощи святой Марии Магдалины тоже в Париже, голова преподобного Антония Великого в Гренобле, мощи святой Софии в Оше, часть мощей Николая Чудотворца в Нанси. В православном храме Трех Святителей – икона Иверской Божьей матери, история спасения которой из рук торговцев похожа на детектив. А всего несколько лет назад никто не знал, что в Париже находятся мощи святой царицы Елены, матери первого римского императора-христианина Константина, которая обрела на Голгофе Крест Христов и восстановила поруганные язычниками Святые места, связанные с жизнью Спасителя. А вы знаете, что эти мощи нашел православный священник? Именно он обнаружил в католическом храме Сен-Ле-Сен-Жиль в саркофаге, подвешенном к потолку, мощи святой царицы Елены. Это потрясающая история, как-нибудь я вам ее расскажу.

– Подождите, но это, скорее, православные святыни, а не католические?

– Не совсем так. До тысяча пятьдесят четвертого года, когда единая церковь раскололась на Православную и Католическую, святыни были едиными. Поэтому, чтобы избежать путаницы, их принято называть раннехристианскими.

– А можно сказать так, что эти святыни имеют гораздо большее значение для православных, чем для католиков?

– В обыденном смысле слова, да. Основные паломники – это православные. Знаете, на западе по-другому относятся к церкви, чем у нас. А четыре французские революции, к сожалению, сопровождавшиеся осквернением и разграблением церквей, нанесли невосполнимую утрату многим церковным святыням. Сейчас во Франции, даже на праздники, редко увидишь полные храмы. Но об этом уже не нам судить.

– То есть можно сказать, что украденная святыня также имеет большее значения для православных, чем для католиков?

– Скажем так, православные, в силу своей веры, относятся с большим трепетом и почитанием к раннехристианским святыням. Но, Максим, очень много верующих католиков ходят на мессы, едут паломниками по святым местам. Я бы все-таки не взвешивал на весах, кто больше, а кто меньше почитает святыни.

– Я вас понял. И это наводит меня на мысль, что именно поэтому французские полицейские предположили, что покров был похищен и переправлен в Россию, потому что Россия – православная страна и христианские святыни здесь особо почитаемы. Но чтить святыню и украсть ее – это совсем не одно и то же. Возникает другой вопрос: *с какой целью ее похитили?*

– Когда вы ответите на этот вопрос, вы сможете выйти на след похитителя. Во всяком случае, это приблизит вас к разгадке.

– Погодите. Так значит, сама эта святыня может являться для похитителей не объектом коллекционирования, а именно объектом святости? То есть кто-то мог завладеть ею для христианского поклонения? Если это так, то, во-первых, это страшный грех, и, как я понимаю, пользы похитившему это не принесет, во-вторых, у нас в России очень много чудотворных святынь, икон, мощей. Пожалуйста, молись и приклоняйся сколько хочешь. Есть монастыри, храмы, святые места. Почему нужно было украсть именно покров Богородицы, который находится во Франции?

– Вопрос можно задать и по-другому.

– Как? Что вы хотите сказать?

– А вы как думаете, если уж кражу совершили во Франции, то зачем нужно похищать именно покров? Тем более, что во Франции столько других святынь. Почему именно покров?

С точки зрения ценности, если можно так выразиться, христианских святынь, все они являются безусловными реликвиями, со всеми связаны чудеса, зафиксированные многочисленными записями. А исцеление безнадежно больной сестры Блеза Паскаля – выдающегося ученого – терновым венцом, вернее, только прикосновением к терновому венцу, полностью перевернуло мировоззрение ученого: после этого он уверовал в Бога и посвятил себя духовным изысканиям. Поэтому мы не можем говорить, что какая-то из святынь более ценная, чем другая.

– А вы как думаете? – с надеждой спросил Макс.

– Я не готов пока изложить вам соображения, почему именно покров был похищен. Очевидно, есть какая-то причина. Но это ваша работа, – улыбнулся Лисовский, – искать мотивы преступления, отвечать на вопросы... У вас, наверное, есть некоторые версии?

– Есть, Николай Осипович. Но вы сейчас своим рассказом заставили меня усомниться во всех моих версиях. – Макс смущенно улыбнулся. – Нет, конечно, мы продолжаем искать по всем направлениям, но мне нужно все хорошо обдумать. Я вам очень благодарен.

Макс встал с кресла, собрался уходить. Приостановился, спросил:

– Еще пару вопросов, Николай Осипович. Мы знаем, что вы купили трактат Дюрера за очень большую сумму. Да вы это и не скрываете. Скажите, что вас привлекает в нем? Вы любите Дюрера настолько, что готовы отдать целое состояние только за его трактат, даже не за художественное произведение?

– Знаете, Максим, я шел к этому гению очень долгое время. Он, как и Леонардо, был человеком великих возможностей, интеллектуал рисунка и гравюры, замечательный философ, теоретик искусства, математик, инженер. И сейчас еще не все его работы разгаданы. Трактат, который я приобрел, – это еще одна загадка. И процесс разгадывания не менее интересен, чем наслаждение художественными работами. Это как будто вы вдруг вывели новую математическую формулу или написали симфонию или поэму. Охватывает азарт и хочется воскликнуть, как Пушкин: «Ай да сукин сын!» И по отношению к Дюреру, и по отношению к себе. А еще я хотел бы загладить свою вину перед одним человеком и подарить этот трактат и мои «разгадки» этого шедевра ему. Но это слишком личное, простите.

– А есть ли в этом трактате некие закодированные знаки, которые хотя бы косвенно намекают на покров Богородицы или другие христианские святыни?

– Нет. То есть в нем есть некие намеки на послание Христа, но абсолютно ничего, что было бы связано с покровом. Не тратьте время, Максим, это неверный путь.

– Хорошо, спасибо. Скажите, вы знакомы с Истоминами?

– Конечно, я хорошо знаю их обоих, но с Людмилой мы часто пересекаемся в связи с нашими художественными интересами.

– Скажите, а ее мог бы заинтересовать покров как предмет в ее коллекции или из каких-либо других соображений?

– Что вам сказать? Женщина она, конечно, экзальтированная, и, зная ее характер, думаю, что ее могло бы привлечь что-либо эдакое, неординарное. Но она еще и очень умна. И именно поэтому ей бы никогда не пришло в голову организовать подобное... К тому же она помешана на гравюрах. Вот если бы ей предложили гравюру Дюрера, – он улыбнулся, – она бы на многое пошла.

– А бриллианты?

– Бриллианты? Вы имеете в виду старую историю о розе Марии Медичи?

– Хотя бы. И как я понял, эта роза – не только бриллианты, это произведение искусства.

– Я не верю, что она могла пойти на убийство из-за этого. Вся эта шумиха пятнадцать лет назад – это не более чем шумиха. Мое мнение таково: не тратьте время на госпожу Истому. Хотя, поверьте, общение с ней доставит вам истинное удовольствие, но к разгадке похищения покрыва вы не приблизитесь ни на дюйм.

«Увидим...» – подумал Макс.

Когда он выходил из кабинета, то с сожалением отметил, что Анечки не было на месте, очевидно, она вышла на минутку. «Завтра надо найти предлог и позвонить ей».

Он вышел, набрал номер Андрея. Каково же было его удивление, когда ему ответил чужой голос: «Вы друг Андрея? Приезжайте. На него совершенно нападение, ему нужна ваша помощь». Адрес, по которому ему предлагали приехать, был адресом Истоминых. Максим рванул туда, по пути позвонил Красавину и коротко объяснил, куда и зачем едет. Просил его не паниковать раньше времени, но сам нервничал, ругал себя, что не поехал вместе с Андреем.

Андрей Шустров лежал на диване, как он понял, в гостиной Истоминых. Болел затылок. Ага, болит, значит, живой. Что произошло до этого, он помнил отлично. Он поднялся на этаж, дверь была открыта. Очевидно, его уже ждали. Он вошел, огляделся, прошел из коридора в гостиную. Было тихо. Он помнил, что спросил: «Есть кто-нибудь?» – и услышал сзади шорох. Хотел обернуться и посмотреть, кто там, даже приготовил свою загадочную улыбку, ожидая увидеть Людмилу Александровну или «мадам», как они с Максом окрестили ее, и потерял сознание. Удар по голове, боль, туман.

Сейчас он лежал на подушках, голова приподнята, возле него сидел доктор («В белом халате, значит, доктор», – отметил про себя Андрей), щупал пульс, проводил какие-то манипуляции с головой. Увидев, что Андрей очнулся, сказал что-то вроде: «Ну, слава Богу, жить будет, рана неглубокая. Но надо проверить на предмет сотрясения мозга, хотя по моим наблюдениям, сотрясения нет. Нужен покой два-три дня, примочки и понаблюдать за состоянием». Кому он это говорил? Андрей приоткрыл глаза. Рядом стояла Истомина (он пару раз ходил на ее лекции, ошибиться никак не мог – это была она), чуть поодаль он заметил еще чей-то силуэт. «Сколько я тут провалялся? И как меня угораздило вообще? Неужели *сама* меня стукнула? Но зачем? Предупредила, чтоб не заходил слишком далеко? Навела справки, узнала, что я детектив? Стоп. Где мой кейс? Там была фотокопия гравюры от Саши». Он промычал что-

то вроде: «Кудейс». На что ему тут же ответили: «Не волнуйтесь, ваш кейс на месте, вот он». Интересно, она уже рассмотрела фотокопию? Что она может сказать по этому поводу? Саша, например, думает, что это гравюра Вольгемута. А мадам? И если она попросит принести саму гравюру? «Тогда мне нужно будет надеть каску и бронежилет», – Андрей мрачно улыбнулся.

– Ну вот, улыбаемся, значит, все в порядке. Вам повезло, юноша. Если б удар пришелся чуть правее, последствия были бы гораздо серьезнее, – проговорил доктор.

– Повезло, говорите. А кто это меня так? – открыл глаза Андрей и выразительно посмотрел на мадам.

Она проводила доктора, расплатилась с ним (Андрей увидел, как она дала ему денег), потом присела на диван и, нервно усмехнувшись, спросила:

– Вы что же думаете, что это я?

– Вообще-то я пришел к *вам* в дом. Поэтому гадать не приходится: или вы, или кто-либо из ваших близких, или из тех людей, кто находился в вашем доме. Мы с *вами* договаривались о встрече, вы открыли мне дверь, а сами... того, – Андрей приподнял руку и неловким жестом показал, как она его ударила. – Вы всех гостей так встречаете?

– Я вам все объясню...

– Да уж, пожалуйста, сделайте милость.

– На самом деле, я вам очень благодарна, Андрей, что вы оказались здесь. Если б не вы, меня бы обокрали. А может, даже убили. Здесь, очевидно, был грабитель. А вы ему помешали.

– Вы мне благодарны, что я подставил свою голову вместо вашей шубы, или, может быть, моя голова менее ценная, чем ваза в прихожей, которую могли украсть?

– Нет, вы не так поняли. Конечно, мне очень жаль, что такое произошло. Моя домработница выскочила из квартиры буквально на минутку по домашним делам, оставив дверь открытой. Да, она допустила непростительную ошибку. Очевидно, когда она выбегала, кто-то зашел в подъезд. Я в это время провожала своих студентов, они выходили через парадную дверь (у нас два входа, как вы видите). Вы зашли с другой стороны. Как и тот человек. Не знаю, почему. Обычно заходят со стороны улицы, а вы зашли со двора. Я даже не подумала вам сказать про вход со стороны улицы. Но если бы дверь оставалась закрытой, – она укоризненно посмотрела в сторону горничной, – услышав звонок, мы бы открыли, и ничего не случилось бы.

– Кто это был?

– Если б мы знали. Я услышала шум. Вы, когда падали, задели деревянную вешалку, и она упала. Я думаю, что он, услышав сколько шума произвело ваше падение, просто выскочил из квартиры. И, кстати, Наташа – моя домработница – видела выскочившего из подъезда мужчину, он чуть не сбил ее с ног. Но в тот момент она не придавала этому значения. Пока поднялась на этаж... А мы с моими студентами уже возле вас хлопотали. Сразу же вызвали доктора. Спасибо, он живет в соседнем подъезде.

– А почему не вызвали милицию?

– Наташа, – обратилась она к домработнице, – объясни, почему мы не вызвали милицию.

Подошла женщина лет сорока, просто одетая, с приятным лицом, заплаканными глазами.

– Простите, это я виновата. Людмила Александровна хотела вызвать. Но когда доктор сказал, что ваша рана не опасная для жизни, я упростила ее не делать этого.

– Почему? – не понял Андрей.

– Понимаете, у меня сын семнадцати лет. Он недавно попал в неприятную историю, они с ребятами совершили... – она подыскивала слова, – нехороший поступок: забрались в чужую квартиру, распивали там коньяк, потом что-то взяли с собой. Это нельзя назвать воровством, но, конечно, они нахулиганили. Сейчас ведется разбирательство. Если милиция приедет и начнет выяснять, что я работаю здесь, а мой сын совсем недавно забрался в чужую квартиру и находится под следствием, они сразу же начнут его подозревать. А это был не он, правда, не

он, – она теребила рукав кофточки, – понимаете, он очень раскаивается. Взялся за учебу. Он попросил прощения и у тех людей, и у меня.

Я понимаю, что человек, который вас ударил, должен понести наказание... Но я хотела сначала вам объяснить, почему я упростила Людмилу Александровну не вызывать полицию. И если вы решите, что это нужно сделать, что ж, я не могу вам запретить. Простите.

Стало тихо, Андрей не знал, как поступить, он попытался представить, что бы сделал в этой ситуации Макс, и в это время прозвучал протяжный звонок в дверь. Наталья пошла открывать. Вбежал Макс. Он вбежал, а не просто вошел, и сразу – к дивану: слава Богу, живой.

– Что случилось? Андрюха, я так переволновался. Кто-нибудь может рассказать мне, что случилось? – Макс почти прокричал эту фразу, видно было, как он волновался.

Ему рассказали. Он все время прерывал рассказ и просил объяснять со всеми подробностями. Задавал вопросы. Хотел увидаться со студентами, которые были в тот момент у Истоминой, захотел увидеть доктора. И только потом обратился к Наташе.

– Значит, вы видели человека, который выскочил из подъезда?

– Да, он не просто выскочил, он чуть не сбил меня с ног. Правда, он извинился и побежал дальше. Я еще подумала, что человек просто куда-то спешит. Но раз извинился, я и замечание ему не сделала.

– Вы его видели раньше?

– Нет, никогда.

– А вы могли бы его описать?

– Я могу нарисовать.

– Нарисовать?..

– Наташа – художница, – сказала Истомина. – Но после того, как погиб ее муж, встал вопрос о заработках, нужно же как-то воспитывать ребенка, и она начала работать у меня.

– И я очень довольна, что работаю здесь. Людмила Александровна очень хорошо ко мне относится и хорошо платит, – поспешно ответила Наташа, – наверное, я злоупотребляю и ее, и вашим отношением, но очень прошу, если можно, не заявлять в полицию.

– И вы действительно сможете нарисовать этого мужчину?

– Да, смогу. У него была кепка, глаза я плохо рассмотрела, вернее, я не особенно разглядывала, но я нарисую так, как видела, прямо в кепке, в куртке. Если это может вам как-то помочь.

– Может, конечно. Постарайтесь тогда нарисовать и в полный рост, и портрет.

Истомина предложила им чаю, они согласились, и Наташа пошла на кухню.

– И к чаю чего-нибудь, – сказал ей вслед Андрей, – я проголодался. Слышали, что доктор сказал? Нужно восстанавливать мой избитый организм.

– А мне коньячок. Я переволновался, – добавил Макс. – А коньяк хорошо снимает стресс.

Андрей видел, как в процессе разговора менялся голос у Истоминой. Но еще интереснее было наблюдать, как менялся ее взгляд. Сначала он был виноватым и заискивающим, потом, когда пришел Макс, оценивающим и цепким, казалось, ничего не может скрыться от глаз мадам, позже в ее взгляде промелькнуло странное удивление и непонимание. Что-то не укладывалось в ее голове, как будто она решала какую-то задачу и не могла найти ответ. И вот сейчас, когда они приступили к чаепитию, Истомина будто смахнула наваждение и вновь предстала перед ними королевой: она знала себе цену; взгляд открытый, дерзкий, насмешливый. «Эх, – подумал Андрей, – если б она была лет на тридцать моложе, я бы на ней женился. Какая женщина!»

Три следующих дня Николь провела, как в тумане. Ее и родителей допрашивали то в одном ведомстве, то в другом. Какие-то люди все время задавали одни и те же вопросы: с кем дружил ее брат, кого они знают из его знакомых, где он был тогда-то и тогда-то. Даже спрашивали, не был ли он в России. Насколько она знает, он никогда даже не говорил о России, да и вообще, если он путешествовал, то только с целью паломничества. Она не понимала, почему столько внимания уделяется ее брату. Он покончил с собой. В конце концов, это его дело. Во Франции многие уходят из жизни по собственной воле. Да, она тоже не понимала, почему он сделал это, но она – это его сестра, а какое дело до всего этого полиции? И только в конце второго дня допросов она поняла, что его – ее дорогого Анри – обвиняют в убийстве отца Антуана. Для нее это было не меньшим шоком, чем тот, который она пережила в квартире брата в момент, когда полицейские взломали дверь. Это невозможно! Он сам хотел стать священником!

Когда Марк Соланж – капитан полиции – увидел, в каком состоянии находилась Николь, он велел прекратить допрос и отвез ее домой. Она молчала всю дорогу, потом расплакалась и сказала, что действительно ничего не знает о знакомых брата и не понимает, что произошло. Капитан уже и сам догадался, что нет смысла расспрашивать ни ее, ни родителей. Они ничем не могли помочь. Вся надежда на пальчики, ДНК (нашли несколько волос), случай и русских. А время поджимало. Епископ сегодня утром вышел из больницы, но не мог спокойно пройти мимо часовни, где находилось покрывало: начинал молиться и тихо плакать.

Нужно что-то делать. Сейчас он отвезет Николь и встретится с Мишелем. Может, у него есть новости...

Разговор за чаем перешел в разговор за обеденным столом: аперитив, потом и ужин. Да, Лисовский был прав, общение с Истоминой доставило Максу и Андрею истинное удовольствие. Им пришлось рассказать правду, скорее, полуправду о том, что Максим Максимович – детектив, а Андрей помогает ему в свободное от работы время, консультирует по вопросам искусства. Она чувствовала свою вину – нападение на Андрея произошло в ее квартире – и старалась загладить ее тем, что много рассказывала об истории, живописи, графике, гравюре.

Макс знал, что не уйдет, не выяснив два вопроса: как получилось, что шестнадцать лет назад она стала подозреваемой в организации заказного убийства и краже драгоценностей, и каково ее отношение к пропаже покрыва Богородицы. Он искал удобный момент, чтобы выяснить это. Момент нашелся, и начала сама Истомина. Они заговорили о подлинниках и копиях в искусстве и о подделках. Истомина подошла к секретеру и достала брошь. «Вот оно, – подумал Макс, и их с Андреем взору предстала очень красивая брошь в виде розы, – теперь надо быть очень внимательными и выжать из нее все. И очень осторожно».

– Посмотрите на эту брошь, – произнесла Людмила Александровна, – правда, красивая?

– Конечно, красавица, – выразили они оба свое восхищение.

– Что вы можете о ней сказать?

– А что вы хотите от нас услышать? – спросил было Андрей, но Макс перехватил инициативу.

Он начал понимать эту женщину. Она чувствует фальшь за километр, надо быть максимально правдивым в оценках. И она может предположить, что они знакомы с историей убийства и пропажей броши. Макс продолжил:

– Людмила Александровна, мы, конечно, очень польщены вашим доверием к нам. Но вы ведь не без умысла нам показали эту вещь. Конечно, мы знаем ее историю. Я никогда не верил, что вы могли бы пойти на убийство из-за броши.

– Из-за броши нет.

– А из-за чего бы вы сделали это?

– Не знаю. Я не задавала себе этот вопрос. Но, наверное, в жизни каждого человека возникают моменты, когда он способен на что-то такое, о чем не подозревал; включаются некие силы организма (положительные или отрицательные), о которых человек даже не догадывался. Эти силы двигают им в моменты стресса, экстаза, опасности. Так что, кто знает... – многозначительно закончила она.

– Но в том, что у вас на ладони сейчас лежит эта брошь, есть тайна. По-моему, мы с вами сегодня стали, в какой-то степени, близкими людьми, может, вы расскажете нам, что же все-таки тогда произошло?

– Но я рассказывала, Максим, обо всем, что произошло. Поднимите архивные записи, я была предельно откровенна, – улыбнулась она.

– Я просматривал дело, – сказал Макс; Андрей удивленно посмотрел на него: когда это он успел? Наверное, помог Красавин. – Ваши показания кажутся правдивыми и логичными. Но недаром следователи вам не верили. Ответьте хотя бы, откуда у вас точная копия этой броши.

– Ну хорошо. Столько лет прошло. Скажите спасибо Андрюше, – она смущенно улыбнулась (ого, он для нее уже Андрюша!), – я чувствую себя виноватой, ведь его могли убить, представляете?

– Представляем, – воскликнули они оба.

И все втроем рассмеялись. Хотя Андрей и придерживал голову, потому как эмоции, пусть даже и радостные, сейчас для него были слишком тяжелым испытанием: удар по голове давал о себе знать. Ему хотелось пойти домой, лечь отдохнуть, но самое интересное, по его мнению, только начиналось.

Она начала рассказывать:

«С Марией Алексеевной Добрянской меня связывали очень теплые отношения. Во-первых, мой отец был хорошо знаком с ее мужем, они преподавали в одном институте, правда, на разных кафедрах, а позже, когда я начала писать кандидатскую диссертацию и всерьез увлеклась рисунком и гравюрой, она помогала мне. У Добрянских не было детей, но и он, и она очень любили молодежь, и молодежь тянулась к ним. Это были удивительные люди, добрые, порядочные, интеллигентные. Студенты часто приходили к ним домой. А потом, когда Иван Андреевич умер, слегла и Мария Алексеевна. Видимо, смерть мужа пошатнула ее здоровье; она с трудом стала передвигаться, болели ноги. Естественно, она ушла на пенсию, но студенты, теперь уже бывшие, часто навещали ее. Я была одной из таких учениц.

Перед защитой кандидатской диссертации я зашла к ней за благословением. Время было сложное, перестройка, гласность, в общем, середина восьмидесятых годов. Она попросила отвезти ее в университет, чтобы видеть и слышать мою защиту. Конечно, я с удовольствием согласилась. Пообещала, что мы с отцом заедем за ней на следующее утро. Мы так и сделали.

В машине мы с ней сидели на заднем сиденье. Да, она спросила меня накануне, в чем я буду выступать. Я сказала, что приготовила очень красивый серый костюм: очень женственный и в то же время деловой. И вот сидим мы в машине, а она достает из сумочки брошь. Я ахнула. Эта брошь была представлена в каталоге ценностей как брошь Марии Медичи – подарок Генриха Четвертого. В каталоге была приписка: брошь находится в частной коллекции. О том, что хозяйка этой броши – Мария Алексеевна, мы не знали.

И вот она протягивает мне ее и говорит: «Людочка, наденьте ее на защиту, она очень подойдет к вашему стальному костюму». Так и сказала: стальному костюму. Я говорю: «Я боюсь, а вдруг у меня ее украдут!» – «Ну что вы, – она улыбнулась, – вы же не на рынок идете,

а на научный совет.» В общем, защита прошла великолепно. Нужно сказать, мне было что «защищать», и сейчас мне не стыдно за свою работу. «Моя» роза произвела фурор. Никто не сводил глаз с этой красоты. А уже после защиты она предложила мне сделать копию броши у одного очень хорошего ювелира. И мы сделали. Ювелир был просто от бога. К сожалению, на тот момент, когда с ней случилось это несчастье, он уже умер и не смог подтвердить, что мы обращались к нему вместе с Марией Алексеевной. Она сама оплатила работу. А потом сказала: «Я думаю, когда умру, вам достанется и подлинная», на что я ей ответила, чтоб она не думала о смерти, и мне ничего от нее не нужно.

На самом деле мне кое-что было нужно. Но об этом чуть позже.

Мы продолжали встречаться. Теперь реже, конечно, но чаще, чем просто на праздники. Я вышла замуж и работала над докторской диссертацией. Вы знаете, Андрей, – она обратилась к Андрею, – немецкое возрождение – моя слабость. Я думала только об этом, ездила в Германию, сидела в архивах и музейных запасниках, собирала материалы, исходила все блошинные рынки Европы и, конечно, находила интересные экземпляры. В общем, вместе с мужем мы начали заниматься собирательством. Отцовская коллекция пополнилась новыми полотнами, рисунками, гравюрами, керамикой. А я хотела все больше и больше. Это страсть. Да и время этому способствовало. В стране (теперь это уже был не Советский Союз, а Россия) творилось что-то невообразимое: рушились привычные нормы жизни, привычный уклад, отношения между людьми. Все продавалось и покупалось.

Я все реже стала приходить к Марии Алексеевне. И вот однажды я решила провести ее, захожу, а она вытащила откуда-то из своих запасников несколько гравюр, рисунков и рассматривает их. Я ахнула. Там были три рисунка итальянской школы, рисунок Гольбейна Младшего, пейзаж Альбрехта Альтдорфера и, не падайте в обморок, гравюра Дюрера. Я была потрясена. А она сказала мне, что собирается оформить дарственную и подарить все эти работы Эрмитажу. Потом добавила, что брошь хочет подарить мне. Но сначала все оформит нотариально, чтоб у меня не было проблем. Я хотела закричать: «Миленькая моя Мария Алексеевна, не нужна мне брошь, отдайте мне Дюрера!». Но я не смогла попросить ее об этом.

Ушла я от нее совершенно разбитая с твердым намерением больше не возвращаться. Понимаете, я хотела ее убить... Чтоб забрать себе эти работы. И я просто испугалась, что не сдержусь. Видите, какие низменные чувства овладевают человеком.

Я заболела. Скорее всего, от бессилия, что не могу ничего сделать. Наконец, через пять дней я ей позвонила, и она сообщила мне, что уже встречалась с нотариусом и хотела со мной поговорить. Я пообещала прийти на следующий день. И пришла. Подойдя к дому, увидела ее соседку, милую женщину, с которой Мария Алексеевна дружила. Мы даже перебросились несколькими словами, что-то вроде того, что в стране наступили сложные времена. Потом вместе поднялись на этаж.

Здесь мы простились, я подошла к квартире Добрянских, позвонила. Потом зачем-то нажала на ручку, дверь открылась. Как только я зашла, то сразу поняла, что произошло нечто ужасное. Квартира была перерыта вверх дном, а в спальне, на кровати, вся в крови лежала убитая Мария Алексеевна. Я не помню, сколько прошло времени. Я только знаю, что присела от бессилия и страха у кровати, потом собралась и пошла в гостиную. Я поняла, что воры искали брошь и, наверное, они ее нашли. Пейзажа Альтдорфера тоже не было. Но на простую дощечку никто не обратил внимания. Вот и все.

Потом свидетели показали, что видели меня, как я вышла из квартиры очень испуганная, с портфелем в руках. Спасибо только соседке, которая подтвердила, что я с этим же портфелем и приходила. Но ее показания мне не особенно помогли, и меня обвинили в убийстве. Была, правда, нестыковка во времени: определили, что убита Добрянская была часа на два раньше, чем я к ней пришла. Но потом выдвинули версию, что я ее «заказала» и пришла удостовериться, что работа сделана. И все из-за броши. И, самое главное, прокурор построил обвине-

ние на том, что я не позвонила сразу же из ее квартиры в полицию (то есть тогда это еще была милиция), а ушла домой».

– А *почему* вы не вызвали сразу милицию, Людмила Александровна? – спросил Макс.

– Почему? – переспросила она.

– Да, почему?

Она поднялась со стула, подошла к шкафу. Отворила дверцу, достала какие-то бумаги и вернулась к столу. Положила перед ними фотокопии гравюр, похожих на немецкие средне-вековые гравюры, два рисунка.

– Вот почему. – Она указала на эти фотокопии. – Я унесла в портфеле бесценные сокровища. Я их украла. Я унесла Дюрера. Я не могла вызвать милицию, потому что не смогла бы унести эти вещи. А я готова была стерпеть обвинение в убийстве, даже отсидеть за то, чего я не совершала, но я не могла оставить эти творения там. Это было чудо, что их не забрали воры. Наверное, они не понимали их ценности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.